ШРИ АУРОБИНДО

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

СОЧИНЕНИЯ НА БЕНГАЛИ

Шри Ауробиндо

Шри Ауробиндо. Духовное возрождение. Сочинения на Бенгали

Серия «Шри Ауробиндо. Собрание сочинений», книга 7

Текст предоставлен издательством «Адити»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9749879
Шри Ауробиндо. Духовное возрождение. Сочинения на бенгали.: Адити; Санкт-Петербург; 2001
ISBN 5-7938-0019-0

Аннотация

Эта книга, в которую вошли сочинения Шри Ауробиндо на бенгальском языке, уникальна по своему содержанию. В ней представлены все основные аспекты его многогранной творческой личности. Здесь мы найдем и блестящие рассказы, и вдохновенные стихотворения и гимны, и пламенные патриотические воззвания, и, прежде всего, – откровения великого мудреца и провидца, объясняющего сокровенный смысл древних священных писаний, и наставления учителя, с любовью направляющего своих учеников на тернистом пути Интегральной Йоги. Читатель имеет редкую возможность заглянуть в глубины внутренней жизни Шри Ауробиндо, приоткрывающиеся в его письмах и воспоминаниях, – внутренней жизни великой души. Центральная же тема, связующая воедино все представленные здесь разноплановые произведения, – духовное возрождение Индии и всего человечества.

Содержание

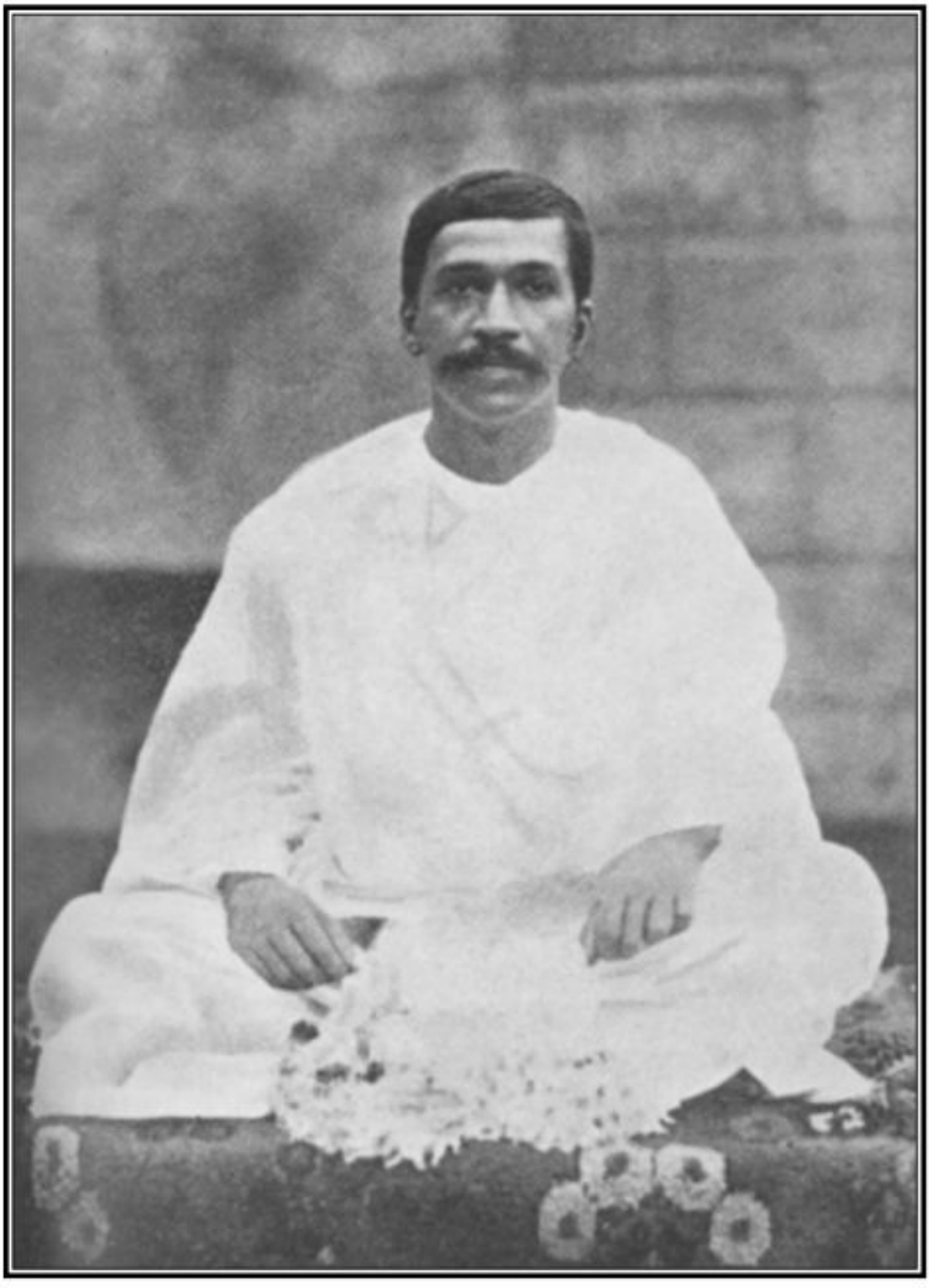
Предисловие 4
Биографическая справка 6
I 8
Гимн Дурге[1] 8
Гимн Заре[5] 10
II 11
Сон 11
Настоящее прощение 17
III 19
Тайна Вед 19
Агни – Божественная сила 24
Ригведа 28
IV 36
Упанишады 36
Интегральная Йога в Упанишадах 38
Иша Упанишада 40
V 44
Пураны 44
VI 46
Дхарма Гиты 46
Аскетизм и отрешенность 49
Видение Мирового Духа 52
Бхагавадгита: введение 55
Бхагавадгита: Глава I 64
Бхагавадгита: комментарии к Главе I 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Шри Ауробиндо Духовное Возрождение. Сочинения на Бенгали

Предисловие

В этой книге нашли отражение практически все основные аспекты многогранной творческой личности Шри Ауробиндо. Здесь мы можем познакомиться с блестящими рассказами Ауробиндо-писателя, с вдохновенными гимнами и стихотворениями Ауробиндо-поэта, с пламенными воззваниями Ауробиндо – лидера национально-освободительного движения. Но, конечно, прежде всего мы встречаем здесь Шри Ауробиндо – великого мудреца и провидца, разъясняющего забытый сокровенный смысл древних священных писаний Индии – Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, раскрывающего запечатленную в них вечную Истину и призывающего нас ступить на путь, открытый провидцами древности, устремиться от свершений прошлого навстречу победам грядущего. Мы узнаем здесь и Шри Ауробиндо – наставника, водителя человечества, исполненного неизменной любви и сострадания, терпеливо и бережно направляющего и поддерживающего своих учеников на тернистом пути Интегральной Йоги. Кроме того, читатель имеет редкую возможность заглянуть в сокровенные глубины внутренней жизни Шри Ауробиндо, которые приоткрываются нам в его письмах и воспоминаниях, – внутренней жизни великой души, устремляющейся к своей цели с полной самоотдачей.

Шри Ауробиндо, хотя и был родом из Бенгалии, с ранних лет обучался в Англии, и поэтому его родным языком был английский. По возвращении в Индию он приложил все силы для овладения языком своей родины. Наиболее интенсивно он использовал бенгали в период революционной борьбы против британского владычества. Он писал статьи и воззвания на бенгали, сочинял стихотворения, выступал на митингах, стремясь возродить в народе национальное самосознание. Все его работы, относящиеся к этому периоду, имеют особое патриотическое звучание и отражают глубокую любовь Шри Ауробиндо к своим соотечественникам, его стремление пробудить бессмертную душу индийского народа, призвать его к обретению утраченной свободы и величия. Однако видение и устремление Шри Ауробиндо не ограничивается пробуждением Индии. Он провозглашает наступление новой эры, эры духовного преображения всей земли. Именно такова центральная тема, связующая воедино все представленные здесь разноплановые произведения, – духовное возрождение Индии и всего человечества.



Шри Ауробиндо, Калькутта, 1907 г.

Биографическая справка

Шри Ауробиндо – выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин – родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье доктора Гхоша, происходившего из знатного рода воинов-кшатриев. С семилетнего возраста обучался в Англии – сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет он проявил выдающиеся способности в латыни и греческом, а также в стихосложении.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет он занимает различные посты в администрации города Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. Кроме того, в эти годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом освободительного движения, впервые выдвинув идеал полной независимости страны, а также сформулировав конкретные методы его достижения. Одновременно он продолжает свое поэтическое творчество, а также погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии, овладевает санскритом и другими ее языками и начинает постигать ее древние священные писания. Осознав подлинное могущество и ценность духовных открытий, давших жизнь всей ее богатейшей многовековой культуре, он в 1904 г. решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме по обвинению, грозившему ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден.

Этот год стал для него «университетом йоги»: он достиг фундаментальных духовных реализаций и осознал, что его цель не ограничивается освобождением Индии от иноземного господства, но состоит в революционном преобразовании всей природы мироздания, в победе над неведением, ложью, страданием и смертью.

В 1910 г., повинуясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичери, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжить интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле «жизни божественной». Достижению этой цели он и посвятил себя, разработав для этого свою Интегральную Йогу.

С 1914 по 1921 г. он издает ежемесячное философское обозрение «Арья», где публикует свои главные труды, в которых подробно рассматривает основные сферы человеческого бытия в свете высшего Знания, обретенного в результате практики йоги, раскрывает истинный смысл древних писаний – Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, исследует проблемы развития общества, эволюцию поэзии и поэтического творчества.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает 35 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он создавал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В центре уникального мировоззрения Шри Ауробиндо – утверждение о том, что мировая эволюция есть постепенное самопроявление, самообнаружение Божества, скрыто пребывающего в Природе в результате предшествующей инволюции. Поэтапно восходя от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, эволюция не останавливается на человеке, но, реализуя свою внутреннюю истину, тайную Божественность, устремляется дальше, к созданию более совершенного, «божественного» вида, который будет превосходить человека в гораздо большей мере, чем тот превосходит животное. Человек – лишь переходное ментальное существо, чье призвание – достичь более высокого, «супраментального», уровня сознания, Сознания-Истины, и низвести его в мир, преобразив все свое существо и всю жизнь в непосредственное выражение Истины.

Всю свою жизнь Шри Ауробиндо посвятил утверждению в нашем мире этого супраментального сознания, реализация которого должна привести к созданию на земле мира истины, гармонии и справедливости, предвещенного пророками всех времен и народов.

I
Гимны

Гимн Дурге[1]

О Матерь Дурга! На льве могучем восседаешь ты, подательница всякой силы, о Мать, возлюбленная Шивы! Мы рождены твоею Силой, мы – юность Индии, в твоем мы храме ждем тебя. Внемли, о Мать, и низойди на землю, и в Индии себя яви.

О Матерь Дурга! Из века в век, из жизни в жизнь мы в теле человеческом приходим, чтоб выполнить твою работу и возвратиться вновь в Обитель Наслажденья. Сейчас опять мы на земле, чтобы твою исполнить волю. Внемли, о Мать, и низойди на землю, приди на помощь к нам.

О Матерь Дурга! На льве могучем восседая, трезубец держишь ты в руке, твое прекрасное сияющее тело заковано в броню; о Мать, несущая с собой победу, тебя ждет Индия, чтобы увидеть твой чудесный образ. Внемли, о Мать, и низойди на землю, и в Индии себя яви.

О Матерь Дурга! Дарующая силу, и любовь, и знанье, ужасна ты в могуществе своем, о дивная и яростная Мать. В сражении за жизнь, что Индия ведет, мы – воины, тобою призванные в бой; о Мать, дай нашим разуму и сердцу несокрушимую титанов силу, а душу и рассудок надели божественным величием и знаньем.

О Матерь Дурга! Во мраке ночи пребывает Индия, мудрейшая из наций. О Мать, ты всходишь над восточным горизонтом, зарею ты горишь, сияньем своего чела рассеивая мрак. О Мать, низлей свой лучезарный свет и тьму ночную победи.

О Матерь Дурга! Мы сыновья твои, по милости и с помощью твоей да будем в силах мы исполнить твой великий труд и устремиться к Идеалу твоему. О Мать, в нас одолей ничтожность, себялюбие и страх.

О Матерь Дурга! Ты – Кали[2], обнаженная, с гирляндой страшных черепов людских на шее, с мечом в руке, разящая Асура[3]. Безжалостно врагов, Богиня, истреби, что носим мы в

---

[1] *Дурга* – одна из самых почитаемых богинь в индуизме; супруга Шивы, входящего в триаду верховных богов индуизма, воплощение его энергии (шакти). Особо почитается на востоке и юге Индии.

[2] *Кали* – букв. «черная». Одно из имен Дурги; воплощение грозной и разрушительной ипостаси Божественной Матери. «Не широта, а высь, не мудрость, а сила и мощь – вот то главное, что присуще ей. В ней – всеподавляющая интенсивность, могучая страсть силы в достижении цели, божественное неистовство, стремительно сокрушающее все ограничения и препятствия. … Ужасен лик ее Асуру, грозна и безжалостна она к ненавистникам божественного; ибо она есть Воительница Миров и никогда не уклоняется от битвы. Нетерпимая к несовершенству, сурово обходится она со всем тем в человеке, что не расположено к совершенствованию, и беспощадна ко всему, что упорствует в своей тьме и невежестве. … Неукротим ее дух, возвышенны и всеохватывающи, как полет орла, ее видение и воля, стремительна ее поступь на пути ввысь, а руки ее распростерты, чтобы поражать и помогать. Ибо она – тоже Мать, и сколь страшен ее гнев, столь же горяча любовь ее, и доброта ее глубока и вдохновенна». (Шри Ауробиндо. Мать)

[3] *Асур* – букв. «могучий». В поздневедийский период приобретает значение демонического существа, противника и соперника богов. Здесь упоминается о главном деянии Кали – убийстве демона Махиши.

себе, и пусть никто из них не избежит твоей карающей десницы. Пусть будем мы чисты и беспорочны, об этом молим мы тебя, о Мать, яви себя во славе.

О Матерь Дурга! Поникла Индия под гнетом себялюбия, ничтожности и страха. Придай нам мужества, сердца отвагой преисполни, не дай от цели нашей уклониться. Пусть отвратимся мы от слабости, бездействия и лени и цепкий страх отринем свой.

О Матерь Дурга! Пусть сила Йоги пребывает с нами. Мы – Арии[4], мы – сыновья твои, в нас возроди и укрепи забытое ученье предков, и дух, и силу разума, и преданность, и веру, и самообузданья мощь, пусть воцарятся в мире истина и знанье. О Мать, яви себя пред миром, на помощь человечеству приди и беды все развей людские.

О Матерь Дурга! Сразу врага внутри, а после сокруши препятствия снаружи. Пусть героический и благородный могучий Индии народ, любви исполненный, и истины, и силы, и единства, в искусствах преуспевший и овладевший силой знанья, вовек пребудет на земле своей священной, богатой распростертыми лесами и плодородными полями, и чистыми потоками могучих рек под сенью горных круч, до неба достающих снежными вершинами своими. О Мать, молитву нашу мы к стопам твоим возносим. Яви себя пред миром.

О Матерь Дурга! В нас низойди своею силой Йоги. Орудием в твоей мы станем длани, мечом, разящим зло, и факелом, что тьму неведенья рассеет. О Мать, своих детей мольбу исполни. Орудие свое, владычица, направь и зло сразу мечом, и факел подними, свет знания пролей над миром. Яви себя, о Мать.

О Матерь Дурга! Когда тобою обладать мы будем, мы больше не расстанемся с тобою; любви и преданности узы с тобою крепко свяжут нас. Приди, о Мать, яви себя и в нашем теле, и в разуме, и в жизни.

Приди, о Мать, стань Предводительницей нашей на пути героев. Тебя забвенью мы не предадим. Пусть без остатка превратится наша жизнь в молитву к Матери и преклонение пред нею; все наши действия, исполненные силы и любви, пусть будут Матери служеньем неустанным. К тебе молитву нашу обращаем, на землю низойди и в Индии яви себя, о Мать.

[4] *Арий* (*арья*) – букв. «благородный». В Ведах означает воина, стремящегося к достижению света Истины.

Гимн Заре[5]

Взгляни, как занимается заря, Возлюбленная ненаглядная, в сияньи ослепительном младого тела. Она ведет все проявленья Жизни по предначертанному им пути. Огонь, Божественная Сила, рождается, чтоб возгореться в человеке. Всю Тьму и Мрак заря прогонит прочь и воссияет Светом лучезарным.

Заря, Богиня, всходит на востоке, свой взор неотвратимо обращая к Беспредельности вселенской. Она в одежды Света облачилась, что белоснежным блеском скрытой Истины сияют. Заря – небесно-золотого цвета, от ока вездесущего ее ничто не ускользает: поистине, она есть мать блистательного знанья, нас направляющая в лучшие мгновенья нашей жизни и раскрывающая перед нами светлый облик свой.

Она – Богиня Всеблагая. Заря несет с собою Солнце, Божье Око, и белогривых Жизни скакунов всезрящих, она грядет, Богиня, себя являя в солнечных лучах. Узнай ее в божественных обличьях многих, как вездесущую сияющего Света Мать.

Вся благодать – внутри, все, что враждебно человеку, – отступило далеко: пусть будет так, когда заря восходит. И наши бесконечные просторы сотвори, и наш приют блаженства, что не знает страха, и светом истины их озари. И все от нас ты прогони, что разделяет и вражду посеять может, и дай нам все богатство человеческой души, о Мать Обилия земного, пошли нам полноту блаженства.

Богиня утренней Зари, себя яви ты в нашем сердце и в блеске высшего Сиянья, раздвинь границы жизни воплощенных в теле, на земле. О Мать Блаженства, ниспошли нам силу постоянства. Богатством Истины нас светоносной одари, что скрыта там, где проплывают к Бесконечности златые колесницы, влекомые конями Жизни.

Твои богатства – наши, о Богиня совершенства! Дочь Неба, к постиженью твоему мы все настойчиво стремимся. Твой образ в мыслях мы лелеем, а ты питаешь знаньем нас и изливаешь в наше существо бескрайний Океан Блаженства.

[5] *Заря* – ведийская богиня Уша. Ей посвящается около двадцати гимнов в Ригведе. Олицетворяет приход божественного озарения.

II
Рассказы

Сон

Один бедняк сидел в своем мрачном и жалком жилище и размышлял о постигших его несчастьях и несправедливости; думал он и о том, что в этом Божьем мире слишком много зла. Обуреваемый гордыней, он говорил самому себе: «Люди не хотят обвинять в своих бедах Бога и потому всю вину за свои несчастья возлагают на Карму[6]. Если все мои беды действительно объясняются тем, что я грешил в прежней жизни, то в прошлом я, вероятно, был отъявленным негодяем, и дурные помыслы должны еще и сегодня владеть мной. Может ли разум закоренелого грешника так быстро очиститься? Сумеет ли мне помочь Тинкари Шил, обладающий огромным богатством и властью! Если закон Кармы действительно существует, то в прошлом воплощении Тинкари наверняка был прославленным святым и садху; хотя этого никак не скажешь по его теперешней жизни. Вряд ли сыщется второй такой злодей и мошенник. Все это говорит о том, что все эти сказки о Карме не что иное, как хитроумные выдумки Бога для нашего утешения. Шьямсундар[7] очень хитер; к сожалению, он все время скрывается от меня, а то я отучил бы его от подобных шуток».

Как только бедняк подумал об этом, его мрачное жилище вдруг наполнилось сияющим светом, и через какое-то время он увидел перед собой очаровательного темнокожего мальчугана, который держал в руках лампу и приветливо улыбался, не произнося при этом ни слова. Бедняк догадался, что сам Шьямсундар наконец-то открылся ему: он понял это по плюмажу из павлиньих перьев и по музыкальным браслетам на ногах мальчика. Сначала бедняк растерялся и не знал, что делать; он было хотел почтительно поклониться ему в ноги, но, заметив улыбку мальчугана, раздумал делать это. Наконец бедняк промолвил: «Привет, Кешта[8], что привело тебя сюда?» Мальчуган ответил с улыбкой: «А разве ты не звал меня? Ты же только что собирался меня выпороть! Так вот, я в твоих руках, делай со мной, что хочешь». Бедняк был окончательно сбит с толку этими словами, и желание задать трепку Божеству уже не приходило ему в голову; приветливого мальчика скорее хотелось приласкать. В этот момент мальчуган заговорил снова: «Видишь ли, Харимохон, я очень люблю тех, кто не боится меня и относится ко мне как к приятелю, ругает меня, хотя и любит, и готов играть со мной. Я создал этот мир для своих утех и я всегда ищу подходящего товарища для моих забав. Но поверь мне, брат, очень трудно найти того, кто готов играть со мной. Все только сердятся на меня, постоянно чего-то требуют и ждут от меня благодеяний; все хотят почестей, славы, освобождения, преданности, но никто не хочет меня самого. И я даю им то, чего они у меня просят. Что мне остается еще делать? Приходится угождать им, иначе они разорвут меня на части. Ты тоже, я вижу, чего-то от меня хочешь, и даже готов с досады устроить кому-нибудь взбучку. Для этого ты и позвал меня. И вот я здесь, чтобы ты мог задать мне трепку. *Ye yathā mā# prapadyante*[9], я принимаю все, что приносят и предлагают мне люди. Но прежде чем ты устроишь мне выволочку, я хочу объяснить тебе, как я все устроил в этом мире. Ты

---

[6] *Карма* – букв. «деяние». В индийской традиции – закон причинно-следственной зависимости, обусловливающий характер опыта живых существ в ходе перерождений.

[7] Одно из имен Шри Кришны.

[8] Одно из имен Шри Кришны.

[9] Фрагмент знаменитого изречения Бхагавадгиты: «Как люди приходят ко Мне, так и Я допускаю их к Моей Любви». (Гита IV.11) – *прим. ред.*

готов меня слушать?» Харимохон ответил: «А сможешь ли ты это сделать? Я вижу, ты много говоришь, но почему я должен верить, что какой-то ребенок может меня чему-то научить?» Мальчик улыбнулся и сказал: «Предлагаю тебе самому убедиться в этом».

С этими словами Шри Кришна дотронулся ладонью до головы Харимохона. В тот же миг будто электрический разряд пронзил все его тело; дремлющая сила *кундалини*[10] поднялась от *муладхары* к центру сознания в голове (*брахмарандхра*), издавая при этом шипящий звук, подобно огненной змее; голова Харимохона наполнилась вибрациями жизненной энергии. Харимохону показалось, что стены его дома исчезли, словно весь мир форм и образов растворился в бесконечности и оставил Харимохона наедине с Кришной. А затем Харимохон потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что они вместе с темнокожим мальчуганом находятся в незнакомом доме и стоят перед стариком, сидящим на подушках и погруженным в глубокое раздумье. Старик опирался подбородком на руку, а мрачное выражение лица, от которого щемило сердце, говорило о том, что он чем-то озабочен и его терзают невеселые мысли. Харимохон с трудом мог поверить, что перед ним был Тинкари Шил, первый человек в деревне. В испуге Харимохон спросил своего спутника: «Кешта, что ты натворил? Мы, словно воры, пробрались среди ночи в чужой дом! Придут полицейские, и нам не поздоровится. Разве ты не знаешь, на что способен Тинкари Шил?» Мальчик засмеялся в ответ: «Я все прекрасно знаю. Но я давно привык забавляться воровством[11], а кроме того, у меня прекрасные отношения с полицией. Так что не бойся. Я предоставлю тебе возможность видеть то, чего не видят другие, и заглянуть в душу этого старика. Тебе известно могущество Тинкари, а сейчас ты узнаешь, на что способен я».

С этими словами Харимохон почувствовал, что может читать мысли старика. При этом он увидел, как в голове Тинкари хозяйничают страшные кровожадные демоны, подобно вражеским воинам, захватившим и грабившим богатый город побежденного противника, нарушая его покой и мирную счастливую жизнь. Старик повздорил со своим сыном и прогнал его из дома. Печаль, вызванная потерей любимого чада, угнетала его, но гнев, гордость и самолюбие не впускали в его сердце сострадание и прощение. Наслушавшись клеветнических наговоров, Тинкари выгнал из дома и свою дочь, а теперь оплакивал утрату возлюбленного чада. Он не сомневался в ее невинности, но боязнь людской молвы и чувство стыда, смешанное с высокомерием и эгоизмом, не давали проявиться его любви и привязанности к дочери. Воспоминания о многих греховных поступках повергали старика в страх и дрожь, но у него не хватало ни сил, ни смелости, чтобы прекратить злодеяния. Время от времени его посещали мысли о смерти и потустороннем мире, наполняя ужасом все его существо. Харимохон видел, что за всеми этими ужасными мыслями скрывался отвратительный посланник смерти, который то и дело пытался завладеть стариком Тинкари. Как только действия посланника смерти становились более активными, леденящий страх пронзал сердце старика и он готов был кричать от ужаса.

Насмотревшись на эти кошмары, Харимохон, обращаясь к мальчику, воскликнул в недоумении: «А я-то думал, Кешта, что этот человек счастливее всех!» На что мальчуган ответил: «В этом-то и заключается моя сила. А теперь скажи мне, кто сильнее – этот Тинкари Шил или Шри Кришна, хозяин Вайкунтхи[12]? Видишь ли, Харимохон, в моем распоряжении тоже есть полицейские и стражники, правительства, законы и суды; я тоже могу играть в игру и быть в ней королем. Нравится тебе такая игра?» «Нет, дитя мое, – ответил Харимохон, – это очень жестокая игра. Почему она тебе нравится?» Мальчуган засмеялся и ответил:

---

[10] *Кундалини* – змея внутренней энергии, которая спит, свернувшись, в основании позвоночного столба в нижнем центре сознания – *муладхара-чакре*. Ее пробуждение и восхождение от нижнего центра сознания к высшему (уровень макушки головы) ведет к йогическому трансу; *брахмарандхра* – букв. «отверстие Брахмы», означает открытие верхней чакры.

[11] Здесь упоминается о детских шалостях Кришны, когда он воровал у пастушек топленое масло и сладости.

[12] *Вайкунтха* – небесная обитель бога Вишну.

«Мне нравятся разные игры; я одинаково люблю и наказывать людей, и быть объектом наказания и людского гнева». Затем он продолжал: «Люди, Харимохон, так же как и ты, видят лишь поверхностное обличье вещей и явлений, они пока не обладают способностью тонкого видения того, что скрыто от обычного глаза. Именно поэтому ты ворчишь и жалуешься на то, что лишен счастья, которое выпало на долю Тинкари. Да, он не знает нужды ни в чем, и все же по сравнению с тобой этот богач страдает несравненно больше! И знаешь, почему? Потому что счастье, равно как и несчастье, – это состояние ума. И то и другое – порождение твоего разума. Даже тот, кто живет в нищете и ничего, кроме трудностей, не знает в жизни, если захочет, может быть безмерно счастлив. Но точно так же, как ты не можешь обрести счастья в бесплодном благочестии, постоянно думая о своих несчастьях, так и грешник, погрязший во зле и не получающий от него удовольствия, не перестает мучиться от сознания своего несчастья. Все это преходяще и мимолетно: счастье добродетели и несчастье порока, равно как и несчастье добродетели и счастье порока. Ни то, ни другое не приносит настоящей радости. Лишь я один являюсь истинным источником блаженства. И только тот, кто приходит ко мне, любит меня, желает меня, добивается от меня исполнения своих желаний, терзает и досаждает мне своими просьбами, обретает настоящее блаженство». Харимохон с интересом слушал Шри Кришну. Мальчик продолжал: «Не правда ли, Харимохон, формальное внешнее благочестие утратило теперь для тебя всякую привлекательность, но несмотря ни на что, ты по привычке[13] все еще продолжаешь придерживаться заведенных правил; ты даже не в состоянии побороть в себе эту мелкую тщеславную набожность. И этот старик не получает никакого удовольствия от своих злодеяний, но он тоже не может изменить свою жизнь, так как привык жить во зле и терпеть при этом муки ада. И добродетель, и порок одинаково связывают человека узами примитивных и невежественных представлений и убеждений. Однако страдания этого старика являются хорошим знаком: они пойдут ему на пользу и вскоре приведут его к освобождению».

Харимохон, молча слушавший наставления Шри Кришны, спросил: «Ты говоришь красивые слова, Кешта, но я не верю им. Даже если счастье и несчастье – это состояния ума, то они все равно вызываются внешними обстоятельствами. Скажи мне, можно ли быть счастливым, когда от голода теряешь рассудок? И как продолжать думать о тебе, если тело страдает от болезней и боли?» «Внемли моему слову, Харимохон, и ты сможешь постичь, как это происходит», – ответил мальчуган.

Шри Кришна снова коснулся рукой головы Харимохона. Тотчас же для Харимохона исчезли стены дома Тинкари Шила, и его взору открылась новая картина: на обдуваемой ветром прекрасной горной вершине сидел погруженный в медитацию аскет; у ног аскета, охраняя его покой, лежал огромный тигр. Увидев тигра, Харимохон испугался и не мог двинуться с места, и мальчику пришлось силой тащить его к аскету. «Смотри, Харимохон», – сказал мальчуган, и тот внутренним взором проник в разум аскета со всеми его мыслями, походившими на страницы тетради, на которых по тысяче раз было написано имя Шри Кришны. За порогом *самадхи*[14], где теряется след всяких форм, в лучах солнца аскет играл вместе со Шри Кришной.

Харимохон видел, что аскет уже много дней голодал, а в последние два дня его тело испытывало жестокие страдания от жажды и голода. С упреком Харимохон спросил Шри Кришну: «Что же это делается, Кешта? Бабаджи[15] так тебя любит и вынужден при этом страдать от голода и жажды. Разве ты не понимаешь, что его никто не накормит в этом глу-

---

[13] Точнее: «вследствие *санскары*» – склонности или устоявшиеся представления, сформированного опытом прошлых жизней.

[14] Йогический транс (*прим. ред.*).

[15] *Бабаджи* – вежливое обращение в Бенгалии.

хом лесу, где кроме тигров никого нет?» Мальчик ответил: «Я сам накормлю его, а пока хочу показать тебе еще кое-что». Тут Харимохон увидел, как тигр направился к ближайшему муравейнику и разворошил его ударом лапы. Сотни растревоженных муравьев покинули муравейник и в ярости набросились на аскета, но он, казалось, не замечал их укусов и оставался погруженным в глубокую медитацию. Тогда мальчик нежно прошептал ему на ухо: «Любимый!» – и аскет открыл глаза. Поначалу он не чувствовал никакой боли от муравьиных укусов, ибо у него в ушах все еще звучала волшебная мелодия божественной флейты, которую так жаждет услышать весь мир; это была та самая мелодия, которую когда-то услышала Радха[16] во Вриндаване. В конце концов бесчисленные укусы муравьев заставили аскета выйти из медитации и вновь ощутить свое физическое тело. Но он все еще оставался неподвижен. В удивлении он пробормотал: «Как странно! Раньше никогда такого не было. Должно быть, это сам Шри Кришна забавляется со мной. Он наносит мне укусы в обличье этих ничтожных муравьев». И Харимохон увидел, как жгучая боль от муравьиных укусов перестала тревожить разум аскета. Можно сказать, что каждый укус теперь воспринимался им как источник блаженства, которое разливалось по всему телу; в конце концов, охваченный экстазом, аскет пустился танцевать, прихлопывая в ладоши и восхваляя Шри Кришну. Муравьи попадали на землю и расползлись в разные стороны.

В изумлении Харимохон воскликнул: «Кешта, что это за колдовство?» Мальчуган хлопнул в ладоши, запрыгал на одной ноге и весело рассмеялся: «Я – единственный волшебник на земле. Никто не в силах разгадать моих чар. Это моя самая сокровенная тайна. Ты видел это? Даже в объятиях ужасной агонии аскет способен думать только обо мне. Смотри еще раз». Аскет успокоился и снова сел медитировать; его тело по-прежнему страдало от голода и жажды, а разум лишь фиксировал телесное страдание, но не затрагивался им. В этот момент откуда-то издалека аскет услышал сладкий голос, звучавший как музыка флейты: «Любимый!» Харимохон вздрогнул, это был голос самого Шьямсундара, более сладкий, чем мелодия флейты. Затем из-за скалистого уступа появился красивый темнокожий мальчуган, держа в руках блюдо с великолепной едой и фруктами. Харимохон от удивления лишился дара речи и молча смотрел на стоявшего рядом с ним Шри Кришну. Он был как две капли воды похож на мальчугана, который, приблизившись к аскету, протянул ему блюдо с едой и сказал: «Смотри, что я принес тебе». Аскет улыбнулся и ответил: «Наконец-то ты пришел! Почему ты заставил меня так долго голодать? Ну что ж, садись и поешь вместе со мной». Аскет и мальчик приступили к трапезе, потчуя друг друга. Когда все было съедено, мальчик забрал блюдо и скрылся в темноте.

Харимохон хотел было спросить о чем-то своего спутника, как вдруг заметил, что рядом уже нет ни Шри Кришны, ни аскета, ни тигра, ни скалы. Сам же он очутился в том квартале, где жили зажиточные горожане. Он тоже был богат, имел семью и детей. Каждый день он раздавал большие пожертвования браминам и нищим. Трижды в день он регулярно повторял Божественное Имя, соблюдал все обряды и ритуалы, предписанные Шастрами[17], и шел по пути, указанному Рагхунанданом[18]; он вел жизнь идеального главы семейства, идеального отца, мужа и сына.

Но в следующую минуту, к своему разочарованию, он увидел, что жители, проживавшие по соседству, не питали добрых чувств друг к другу и не были счастливы; высшей добродетелью они считали механическое исполнение своих социальных обязанностей. Восторженное чувство, которое поначалу испытал Харимохон, теперь сменилось ощущением

---

[16] *Радха* – возлюбленная Кришны, одна из пастушек, в играх с которыми Кришна провел юные годы в лесной роще – Вриндаване. В кришнаизме является олицетворением души, стремящейся к слиянию с Богом.

[17] *Шастры* – древнеиндийские сочинения по различным отраслям знаний; они регулировали все стороны жизни человека и пользовались непререкаемым авторитетом.

[18] *Рагхунандан* – эпитет Рамы, воплощающего идеал справедливого правителя.

страдания. Казалось, что его ужасно мучает жажда, но негде было взять воды, а в пищу ему приходилось употреблять только пыль, одну бесконечную пыль. Он убежал из того места, где жил, и направился в другое. А там, напротив огромного роскошного особняка, он увидел большую толпу людей. Повсюду слышались слова благодарности и благословения. Подойдя ближе, он увидел Тинкари Шила, восседавшего на веранде и раздававшего людям из толпы деньги. Никто из присутствовавших не уходил с пустыми руками. Харимохон усмехнулся и подумал: «Что бы мог означать этот сон? Тинкари Шил раздает милостыню!» Тогда Харимохон решил посмотреть, что делается у Тинкари в голове. И оказалось, что тысячи неудовлетворенных желаний и отрицательных импульсов, таких как жадность, ревность, страстные эгоистические желания, находились во взбудораженном состоянии. В стремлении соблюсти внешние приличия, удовлетворить самолюбие и снискать уважение и славу Тинкари подавлял свои желания, намерения и побуждения, не давая им выйти наружу.

Тем временем какая-то неведомая сила перенесла Харимохона в потусторонний мир. Он побывал на небесах и в преисподней индусов, христиан, мусульман, греков и многих других народов и культур. Спустя некоторое время он снова оказался в своем старом доме, на том же рваном матраце, и перед ним все так же стоял Шьямсундар. Мальчик сказал: «Уже очень поздно. Если я сейчас не вернусь домой, то получу хорошую взбучку. Поэтому я буду краток. Все преисподние и небеса, на которых ты побывал, – это не что иное, как иллюзорные миры, порожденные человеческим разумом. После смерти человек отправляется либо в рай, либо в ад, чтобы исчерпать там свои наклонности и желания, которые были присущи ему в последнем земном воплощении. Ты в своей прошлой жизни был лишь добродетельным человеком, но твое сердце не знало любви; ты не любил ни Бога, ни людей. Покинув свое тело, тебе пришлось отработать до конца и исчерпать все импульсы своей природы, поэтому ты жил в мире иллюзии среди обеспеченных людей, принадлежащих к среднему классу общества. Но потом тебе надоела эта жизнь, ты стал ощущать беспокойство и отправился в преисподнюю, где не было ничего, кроме пыли. В конце концов настало время пожинать плоды совершенных тобой добродетельных поступков; и когда все плохое и хорошее, содеянное тобой в жизни, было исчерпано, ты родился снова. В прошлом воплощении за исключением милостыни и бездушных благочестивых поступков ты никогда не заботился о нуждах других людей; именно поэтому в своей теперешней жизни ты познал такую жестокую нужду. А твоя теперешняя пустая благочестивая жизнь объясняется тем, что ты не смог исчерпать свою карму добрых и дурных поступков в мире иллюзии; поэтому приходится отрабатывать ее в этом мире. С другой стороны, Тинкари в прошлой жизни был самим воплощением щедрости, поэтому, снискав благословение многих людей, он стал в этой жизни богачом, не знающим, что такое нищета. Но поскольку его природа не была очищена полностью, неудовлетворенные желания породили множество пороков. Теперь ты понимаешь, как действует закон Кармы? Не существует ни наказания, ни воздаяния, но зло порождает зло, а добро – добро. Таков закон Природы. Порок есть зло, он порождает несчастье; добро есть благо, и оно ведет к счастью. Этот закон способствует устранению зла и очищению человеческой природы. Видишь ли, Харимохон, эта земля есть лишь малая часть сотворенного мной бесконечно разнообразного мира, и люди рождаются здесь, чтобы с помощью закона Кармы избавиться от зла. Ты становишься неподвластным закону Кармы, когда освобождаешься от уз добра и зла и познаешь Любовь. В своем следующем рождении ты тоже обретешь свободу. Я пришлю тебе свою любимую сестру, Силу, и ее подругу Знание; но я сделаю это только при условии, что ты разделишь со мной мои забавы и не будешь просить меня об освобождении. Ты согласен?» Харимохон ответил: «Ну, Кешта, ты околдовал меня! Теперь я хочу только одного: посадить тебя к себе на колени и приласкать!»

Мальчик рассмеялся и спросил: «Все ли ты понял, что я сказал тебе, Харимохон?» «Да, понял», – ответил Харимохон, а потом подумал и сказал: «Ты снова обманываешь меня,

Кешта. Ты так и не объяснил, для чего ты создал зло!» С этими словами Харимохон взял за руку мальчугана, но тот, вырывая руку, упрекнул Харимохона: «Отстань! Ты хочешь за один час узнать все мои секреты?» Мальчик задул лампу и, посмеиваясь, сказал: «Харимохон, ты забыл меня выпороть. От страха, что ты меня выпорешь, я даже не сел к тебе на колени, боясь, что с досады на свои невзгоды ты задашь мне трепку. Я не доверяю тебе больше». Харимохон протянул мальчику руки, но тот отстранился от него и сказал: «Нет, Харимохон, я дам тебе испытать это наслаждение в следующей жизни. До свидания». Сказав это, мальчуган растворился в ночной темноте. Услышав звон браслетов на ногах Шри Кришны, Харимохон проснулся и подумал: «Какой странный сон я видел: я был и в раю и в аду, непочтительно обходился с Божеством, как с непослушным мальчишкой, и даже бранил его. Как ужасно! А сейчас я преисполнен покоя». И Харимохон стал вспоминать чудесный образ темнокожего мальчугана, время от времени повторяя: «Как прекрасно! Как прекрасно».

Настоящее прощение

Луна медленно плыла по небу среди облаков. Внизу, на земле, рокот бегущей по камням реки сливался с шумом ветра, и весь мир, освещенный тусклым лунным светом, казалось, был воплощением совершенной красоты. Повсюду были разбросаны лесные приюты Риши[19], каждый из которых не уступал по своей красоте Елисейским полям. Любой приют отшельника являл собой картину очаровательной лесной идиллии в окружении деревьев, листвы, растений и цветов.

В эту ночь, проникнутую поэзией лунного света, Брахмариши[20] Васиштха сказал своей супруге Арундхати Дэви[21]: «Дэви, пойди и попроси у Риши Вишвамитры[22] немного соли и скорее возвращайся домой».

Не ожидавшая такого поручения, Дэви ответила: «Что означает эта твоя просьба? Не понимаю тебя! Он отобрал у меня сто моих сыновей…» Она не могла больше говорить, так как ее голос прервали рыдания, вызванные воспоминаниями о прошлом, нарушившими покой ее искреннего, переполненного болью сердца. Спустя немного времени она успокоилась и продолжала: «Все сто моих сыновей знали Веды, и их жизнь была посвящена Божественному. В ночь, подобную этой, они гуляли бы в лунном сиянии и пели гимны в Его честь, но Вишвамитра… он уничтожил их всех. И ты после этого просишь меня пойти к нему в дом и одолжить немного соли! Ты удивляешь меня, мой господин!»

Лицо Васиштхи осветилось улыбкой, и из бездонных глубин его сердца прозвучали слова: «Но, Дэви, я люблю его!»

Удивлению Арундхати не было конца, и она воскликнула: «Если ты любишь его, то мог бы обращаться к нему как к Брахмариши! Тогда все мучения закончились бы и все сто моих сыновей остались бы при мне».

Лицо великого мудреца преобразилось, когда он говорил: «Именно потому, что я люблю его, я не называл его Брахмариши. И только потому, что я не называл его так, у него была возможность стать Брахмариши».

Вишвамитра был вне себя от гнева и не мог сосредоточиться на своей *тапасье*[23]. Он дал себе слово убить Васиштху, если Васиштха в тот же день не признает его Брахмариши. Чтобы осуществить свое намерение, Вишвамитра, уходя из дома, вооружился мечом. Он медленно подошел к дому Васиштхадэвы и, прислушиваясь, остановился. Вишвамитра слышал разговор мудреца с Дэви Арундхати. Рука Вишвамитры перестала сжимать рукоятку меча, когда он подумал: «О Небо, что я замыслил в своем невежестве! Причинить боль человеку, чья душа воспарила так высоко над мирской суетой!» Он почувствовал невыносимые угрызения совести, вбежал в дом и упал к ногам Васиштхи. Сначала он не мог произнести ни слова, но когда к нему вернулся дар речи, сказал: «Прости меня, прости! Хотя я и не достоин твоей милости!» Ничего больше он сказать не мог, так как все еще находился во власти гордыни. Васиштха, пытаясь поднять Вишвамитру, протянул к нему руки: «Поднимись, Брахмариши», – сказал он ласково. Вишвамитра от стыда и раскаяния не мог поверить, что Васиштха имел в виду именно то, что он говорил.

«Не смейся надо мной, мой господин», – воскликнул он.

---

[19] *Риши* – легендарные провидцы, мудрецы и поэты, создавшие Веды.

[20] «Познавший Всевышнего» (*прим. ред.*).

[21] *Букв.* – «богиня» (*прим. ред.*).

[22] *Вишвамитра* и *Васиштха* – прославленные риши, им приписывается создание 3-й и 7-й книг Ригведы. В текстах упоминается об их соперничестве.

[23] *Тапасья* – усилие, аскетическая сила; концентрация воли и энергии на достижении йогических целей.

«Я никогда не говорю того, что не соответствует действительности, – ответил Васиштха. – Сегодня ты стал Брахмариши. Ты заслужил это звание, потому что отбросил свою надменную самоуверенность».

«Тогда дай мне божественное знание», – взмолился Вишвамитра.

«Ступай к Анантадэве[24], он даст тебе то, чего ты хочешь».

Вишвамитра отправился туда, где Анантадэва держал на своей голове Землю. «Хорошо, я научу тебя тому, чего ты хочешь, но ты должен сначала подержать вместо меня Землю».

Гордый своими сверхъестественными силами, обретенными в результате тапасьи, Вишвамитра сказал: «Я готов, давай я подержу за тебя Землю».

«Держи», – сказал Анантадэва, отходя в сторону, и Земля стала падать.

«Я готов немедленно отречься от плодов моей тапасьи, – закричал Вишвамитра, – сделай только так, чтобы Земля не падала».

«Твоя тапасья была недостаточной, ты не сможешь удержать Землю, Вишвамитра, – прокричал в ответ Анантадэва. – Общался ли ты когда-нибудь со святыми праведниками? Если да, то принеси в жертву то, что ты приобрел в результате этого общения».

«Всего одно мгновение я провел рядом с Васиштхой», – ответил Вишвамитра.

«Принеси в жертву то знание, что ты получил от него», – приказал Анантадэва.

«Я приношу в жертву знание, полученное от Васиштхи», – сказал Вишвамитра, и Земля остановилась и перестала падать.

«Глупец! – воскликнул Анантадэва. – Ты пришел ко мне искать божественное знание, оставив того, чье мимолетное прикосновение придало тебе достаточно сил, чтобы удержать Землю!»

Вишвамитра разозлился, подумав, что Васиштха сыграл с ним злую шутку, и поспешил обратно к Васиштхе, чтобы выяснить, почему он так обошелся с ним.

Васиштха ответил ему спокойно и невозмутимо: «Если бы я дал тебе то знание, о котором ты просил, ты не поверил бы, что это знание истинное. Теперь же ты не будешь сомневаться в моих словах».

Так Вишвамитра получил от Васиштхи знание Божественного.

Вот каких мудрецов и святых праведников знала Индия в стародавние времена, и как они понимали, что такое настоящее прощение. Благодаря тапасье они приобретали такую силу, что могли вынести на своих плечах Землю. Такие мудрецы рождаются в Индии и поныне. Сиянием своей святости они затмят древних Риши и принесут Индии славу, которую она не знала никогда прежде.

[24] *Анантадэва* – букв. «бесконечный»; великий змей, на котором возлежит Вишну в своем небесном царстве. По приказу Брахмы он поддерживает Землю.

III
Веды

Тайна Вед

Веда-самхита[25] – это извечный источник *дхармы*[26], культуры и духовного знания Индии. Можно сказать, что этот источник берет свое начало от ключа, бьющего в недоступной горной пещере, и превращается затем в поток, течение которого скрыто в зарослях причудливо переплетенных лиан и непроходимых дебрях древнего леса. Веда исполнена тайны. Ее язык, манера изложения и образ мысли принадлежат другой эпохе и являются продуктом менталитета совершенно отличного от современного. С одной стороны, язык и образное построение текстов Веды представляются чрезвычайно простыми, как быстрый и чистый горный поток; с другой стороны – интеллектуальный строй текстов настолько сложен, а значение употребляемой лексики допускает такое широкое толкование, что с древнейших времен Веды были предметом споров и разногласий, которые продолжаются и по сей день, относительно основной заложенной в них идеи и даже значения встречающихся в каждой строке простых слов. При знакомстве с комментариями известного ученого древности Саяначарьи[27] складывается впечатление, что в Ведах не надо искать никакой связной логической мысли, ибо ее там никогда не было или, если даже она и существовала, то постепенно была поглощена потоком безжалостного Времени, что произошло задолго до того, как увидели свет появившиеся уже после Вед Брахманы[28].

Пытаясь определить заложенный в Ведах смысл, Саяна столкнулся со значительными трудностями, оказавшись в положении путника, блуждающего во тьме в погоне за обманчивым светом, постоянно спотыкающегося и оступающегося в лужи грязи, но, несмотря ни на что, не оставляющего своей затеи. Ему нужно было выявить смысл главного священного Писания дхармы ариев, но язык этого Писания был настолько загадочен и непонятен, композиционные и логические связи между отдельными идеями такими труднопостижимыми, а во многих местах словно бы и вовсе лишенными смысла, что даже там, где прослеживался определенный смысл, на нем неизменно лежала тень сомнения. Много раз, сталкиваясь с этой трудностью, Саяна пытался разрешить ее, приписывая древним Риши запутанные и сложные фразы, не подчинявшиеся грамматическим правилам, сбивчивые и непоследовательные мысли, а в результате, по прочтении комментариев Саяны, складывалось впечатление, что Веды являлись скорее плодом больного воображения лунатика или невежественного дикаря, а не литературным памятником и духовным наследием арийской культуры. Но не стоит обвинять в этом Саяну. Лексикограф древности Яска совершил ту же самую грубую ошибку, а еще раньше авторы Брахман, не сумев раскрыть простой и ясный смысл Вед, предприняли неудавшуюся попытку истолковать сложные для понимания *ричи*, или стихи, на основе «мифотворческого поэтического метода». Историки более поздних эпох, пыта-

---

[25] *Веда-Самхита* – собрание священных текстов, представляющее основу четырех сводов ведийского канона, самая древняя его часть.

[26] *Дхарма* – принцип или закон бытия; закон, на уровне космоса и на уровне социума поддерживающий порядок во вселенной; обычно переводится как закон, порядок или – в более узком значении – религия.

[27] *Саяначарья* (ок. XIV в.) – средневековый индийский комментатор Вед, который создал наиболее авторитетный и наиболее полный комментарий к Ригведе, оказавший большое влияние и на современное толкование Вед.

[28] *Брахманы* – часть ведийского канона; прозаические тексты, содержащие толкования ведийских священных стихов-мантр, а также ритуальные и мифологические комментарии к Ведам.

ясь подражать этому методу, считали, что Веды представляют собой описания полностью вымышленных и надуманных замысловатых событий, что способствовало искажению их реального священного и простого значения и смысла. Чтобы проиллюстрировать характер и степень искажения подлинного смысла в результате подобного подхода, приведем следующий пример. Во второй *сукте*[29] пятой *мандалы*[30] есть упоминание о скрытом или сжатом состоянии Агни[31] и его обширном проявлении спустя длительное время: «*Kumāra# mātā yuvati# samubdham guhā bibharti ne dadāti pitre… kameta# tva# yuvate kumāram pe#ī bibhar#i mahi#ī jajāna. Pūrvīrhi garbha# śarado… yadasūta mātā*». Что означает следующее: «Молодая Мать носит мальчика, заключенного в потаенной пещере, и не отдает его Отцу; сила его не убывает, и люди видят его впереди, внутренне утвержденного в движении. Кто этот мальчик, о младая Мать, которого ты носишь в себе, когда скована формой, но, когда обретаешь широту, даешь ты ему рождение? Много лет развивалось дитя в утробе Матери, я видел, как оно появилось на свет, когда Мать принесла его». Язык Веды всегда предельно лаконичен, концентрирован и преисполнен смысла; он стремится к выражению глубокого и разностороннего содержания минимальными лексическими средствами, сохраняя при этом простоту изложения и гармонию мысли. Историки-исследователи были не в состоянии понять этой простоты повествования, с которой передавался смысл: когда мать пребывает в «скованном» или сжатом состоянии, то мальчик находится в подавленном или скрытом виде, «заключенный в пещере». Они не замечали или не улавливали гармонического соотношения языковых и ментальных образов древних Риши. Под словом *pe#ī* они понимали некий зловещий образ женщины, похитившей силу Агни; слово *mahi#ī* ассоциировалось для них с «королевой», а *kumāra samubdha* означало, что молодой брамин был насмерть раздавлен колесницей. На основании такого толкования выстраивалась довольно длинная история, или легенда, а в результате смысл стихов становился совершенно непонятным. Кто был молодой человек? или Мать? или зловещая женщина? Был ли это рассказ об Агни или о молодом брамине? Кто с кем говорил и о чем? – сплошная путаница и неразбериха. И такие «вымученные» толкования встречаются повсюду. Необоснованные домыслы и фантазии искажали и извращали простой, но глубокий смысл, заложенный в Ведах, и те места в тексте, где просматривались хоть малейшие языковые и смысловые особенности, в устах комментаторов приобретали искаженный до неузнаваемости вид.

Помимо отдельных стихов и метафор, многочисленные споры в древности возникали даже и по поводу истинного значения самих Вед. Согласно Эвхемеросу из Греции, боги древних греков являлись вечно почитаемыми героями и правителями, которые по прошествии какого-то времени превратились в богов, обитающих на небесах, чему способствовали людское суеверие и дерзкая поэтическая фантазия. В Индии даже во времена далекой древности не было недостатка в эвхемеросах. Вот тому пример: говорят, что два Ашвина[32] были и не боги и не звезды, а просто – два известных правителя, такие же люди, как и все мы, из плоти и крови, которые, вероятно, после их смерти были возведены в ранг божеств. По другим источникам, все это – не более чем миф о происхождении солнечной системы, то есть солнце, луна, небо, звезды, дождь и т. д. – каждое проявление физической Природы наделялось соответствующим поэтическим образом и именем, приобретая вместе с тем статус бога в человеческом обличье. Вритра[33] – это облако, Вала[34] – тоже облако, а Дасью (гра-

[29] Гимн Веды (*прим. пер.*).

[30] *Букв.* – «цикл», книга Ригведы (*прим. пер.*).

[31] *Агни* – ведийское божество огня; в интерпретации Шри Ауробиндо – воплощение Тапаса, космической Энергии, Сознания Истины или божественной Воли в творении.

[32] *Ашвины* – букв. «конники»; два божественных брата-близнеца, сопровождающие приход Зари; в интерпретации Шри Ауробиндо – силы Истины, управляющие и совершенствующие витальные движения человека.

[33] *Вритра* – противник богов в Ригведе; змееподобное существо, олицетворяющее силу тьмы, беспорядка, сопротив-

бители), Данавы (демоны) и Дайтьи (титаны) – не более чем тучи на небесном своде; бог дождя Индра, препятствующий проникновению на землю солнечного света, пронизывает своими стрелами жалкие ничтожные тучи, не желающие проливаться дождем, и посылает на землю потоки воды, рождающие пять мужских и семь женских рек, орошающих почву и способствующих процветанию и богатству ариев. Или же Индра, Митра, Арьяман, Бхага, Варуна, Вишну[35] – это только разные имена Солнца. Митра – это бог дня, Варуна – бог ночи; Рибху[36], создающие силой своей воли коня Индры и колесницу двух Ашвинов, представляют собой просто лучи солнца. С другой стороны, существовало большое количество ортодоксальных последователей Веды, приверженцев обрядности, которые утверждали, что боги имеют человеческий облик и в то же время являются вездесущими стражами сил Природы; Агни в одно и то же время выступает как антропоморфное божество и как огонь на жертвенном алтаре, а три формы его проявления – соответственно земной огонь, огонь, горящий в недрах земли под морями и океанами, и молния. Сарасвати[37] – одновременно и река, и богиня, и т. д. Они твердо верили, что богов можно умилостивить с помощью гимнов и молитв, чтобы после смерти они обеспечили своему почитателю место на небесах, а при жизни наделили его силой, детьми, скотом, лошадьми, пищей и одеждой, истребили его врагов и поразили молниями дерзких клеветников. Боги, в свою очередь, всегда были готовы к проявлениям благосклонных и дружественных намерений. Такие представления были наиболее характерными для Древней Индии.

Тем не менее всегда, во все времена находились мыслящие люди, верившие в непреходящую ценность Вед, в мудрость и высокое призвание Риши. Такие люди упорно пытались отыскать в стихах Вед высший духовный смысл, найти в них фундаментальную истину, получившую отражение в Упанишадах. Они считали, что под светом, который Риши просили ниспослать Бога, подразумевался не материальный свет солнца, но свет Солнца Знания, Солнца, которое упоминается в мантре Гаятри[38] и которое видел Вишвамитра. Этот свет есть *tatsaviturvare#yam devasya bharga#,* сила и свет Божественного Солнца, этот бог – *yo no dhiya# pracodayāt*, направляющий все наши помыслы на служение Истине. Риши боялись темноты, *тамас,* но не темноты ночи – они страшились непроницаемого мрака неведения. Индра есть *дживатма*, душа-в-жизни; Вритра – это не облако и не демон, порожденный воображением поэтов, но тот, кто препятствует развитию нашей человеческой природы, покрывая ее черной тьмою неведения, в которой боги пребывают поначалу в скрытом непроявленном состоянии, а затем раскрываются под воздействием яркого света знания, излучаемого Божественным Словом. Саяначарья называл этих Риши «атмавидами», или познавшими Дух, Сущность Бытия, – он также часто цитировал их толкования Вед.

ления, препятствующее свободному истечению вод – светоносных потоков истины.

[34] *Вала* – предводитель демонов *пани*, скрывающих в темной пещере лучезарные стада коров – Свет Истины. Два основных ведийских мифа, являющиеся, по существу, вариантами одного, повествуют о борьбе богов Индры и Ангирасов с демонами Вритрой и Валой, которые препятствуют божественным действиям, приходу Зари и человеческому восхождению.

[35] Перечисляются имена главных ведийских богов, которые являются силами Света и Истины: *Индра* – бог Неба или сила просветленной ментальной природы; *Митра* – бог или сила Любви и Гармонии; *Арьяман* – бог или сила божественных действий; *Бхага* – бог Наслаждения; *Варуна* – бог необъятной Широты; *Вишну* (в Ригведе) – извечное вездесущее Божество, триединый Свидетель, пробуждающий силы восхождения.

[36] *Рибху* – божественные мастеровые, творящие в помощь богам различные инструменты.

[37] *Сарасвати* – ведийская богиня, олицетворяющая вдохновенное Слово Истины. Является одной из пяти божественных рек – потоков или сил вдохновения.

[38] *Мантра Гаятри* – священная мантра, призывающая свет Солнца-Савитара; является частью гимна Ригведы (III.62.10), автором ее считается риши Вишвамитра.

В качестве примера можно привести толкование «атмавидами» гимна Готамы Рохуганы, обращенного к Ветрам, «марутам». В этой сукте Готама обращается к Марутам и просит их ниспослать ему свет:

yūya# tatsatyaśavasā āvi#karta mahitvanā
vidhyatā vidyutā rak#a#
gūhatā guhyam tamo vi yāta viśvamatri#am
jyoti#kartā yaduśmasi (I-86-10)

Согласно толкованию приверженцев ритуалистического подхода, свет, о котором идет речь в этих двух стихах, – это свет физического солнца. «О Маруты, истребите Ракшаса[39], пожирателя, сокрывшего тьмою свет солнца, и снова откройте свет Солнца нашим глазам». По мнению «атмавидов», эта фраза имеет следующий смысл: «О вы, наделенные силою Истины, проявите в своем величии *то* высшее знание, поразите своею молнией Ракшаса. Скройте мрак, царящий в пещере сердца; иными словами – да сгинет мрак и да растворится в потоке Света-Истины. Дайте отпор всем пожирателям мужества, сотворите свет, которого мы жаждем» [40]. Здесь под Марутами подразумеваются не рассеивающие облака ветры, а пять витальных энергий. *Тамас* – это психологическое состояние тьмы в сердце, пожиратели мужества – это шесть враждебных сил[41], *джьетис* — это свет Знания, живая форма проявления Истины. Такое толкование позволяет в одно и то же время увидеть в Веде и духовное знание – основополагающую идею Упанишад, и систему «пранаямы» [42], которая получила отражение в Раджа-йоге.

Такова общая картина заблуждений и путаницы в толковании Веды в самой Индии. В девятнадцатом веке пандиты[43] Запада, основательно подготовившись к дискуссии на тему Вед, внесли еще большую неразбериху своими интерпретациями, основанными на иноземном видении предмета. И даже по сей день утверждение правильного подхода к Ведам требует преодоления колоссального сопротивления. На фундаменте, заложенном историками и лексикографами древности, европейские пандиты воздвигли новый чудесный храм, созданный их причудливой фантазией. Однако, возводя его, они не столько придерживались толкований Яски в «Нирукте» [44], сколько пытались объяснить Веды исходя из словарей лексики, составленных по их собственному вкусу в Берлине и Петрограде. Своей свежей и весьма экстравагантной трактовкой солярного мифа древнеиндийских историков – этой новой блистательной картиной, написанной поверх прежних красок, – они совершенно ослепили образованные круги Индии. Согласно европейским ученым, ведические боги являлись лишь символами различных проявлений физической Природы. Арии поклонялись Солнцу, Луне, Звездам, Планетам, Заре, Ночи, Ветру и Урагану, Рекам, Морям, Горам, Деревьям и другим видимым объектам Природы. Преисполненные благоговения от созерцания окружающей красоты, варвары почитали и поэтизировали явления и силы Природы, слагая о них гимны. Воспринимая все окружающее как сознательную игру разнообразных богов и стре-

---

[39] *Ракшас* – враждебное существо, нападающее на человека и пожирающее его силу.

[40] Перевод Шри Ауробиндо, сделанный им позже на английский, звучит следующим образом: «О вы, блистающие силою Истины, явите ее своею мощью; поразите своею молнией Ракшаса. Скройте скрывающую тьму, дайте отпор всем пожирателям, сотворите Свет, которого мы жаждем».

[41] Страстное желание, гнев, жадность, привязанность, гордость и ревность.

[42] *Пранаяма* – индийская дыхательная практика, целью которой является посредством регуляции дыхания установить контроль над потоком сознания; входит в обязательную часть Раджа-йоги, уделяющей основное внимание работе с энергиями человеческого тела.

[43] Пандит (*санскр.*) – ученый (*прим. ред.*).

[44] *Нируктa* – труд древнеиндийского грамматиста Яски, посвященный этимологическому толкованию ведийских слов; также название традиционной школы *нирукты* – этимологии.

мясь установить дружественные отношения с этими силами Природы, древние арии обращались к ним с молитвами, в которых просили о победе в битвах, о процветании, о долголетии, здоровье и детях. Напуганные темнотой ночи, они совершали определенные ритуалы и жертвоприношения, чтобы вернуть Солнце, дарящее свет. Они даже боялись призраков и жалобно умоляли богов прогнать их. Надежда и стремление попасть на небеса путем совершения жертвоприношений и все аналогичные представления хорошо увязывались с познаниями о жизни варваров доисторических времен.

Идет повествование о победе в сражении. Какое сражение и с кем? Говорят, что имеется в виду битва между ариями, жившими на земле пяти рек, и исконными обитателями Индии – дравидами; постоянная борьба с соседними племенами и междоусобные войны самих ариев. Европейские исследователи использовали метод историков Древней Индии, выстраивавших различные исторические эпизоды и события на основании авторитета отдельных стихов и гимнов, с той лишь разницей, что не позволяли своему разыгравшемуся воображению создавать такие невероятные и неестественные истории, как смерть молодого брамина под колесами колесницы, управляемой Джарой (сыном Джары), Риши Вриши, который затем был возвращен к жизни с помощью силы мантры, или история с похищением силы Агни – Огня зловещей женщиной. Ученые Европы пытались воссоздать события древней истории Индии с помощью подлинных или вымышленных событий, таких, как битва арийского правителя Тритсураджа Судасы с войском десяти вождей различных племен, как истории святых праведников Васиштхи и Вишвамитры, похищение домашнего скота арийцами и перекрытие рек пещерными жителями-дравидами, направление к дравидам арийской придворной посланницы, описанное в притче о Сараме (Небесной Гончей), и т. д.

Невозможно описать, какой сумбур и беспорядок породили исследователи Запада при попытке увязать воедино противоречивую символику физических явлений Природы и исторические метафоры и образы. В качестве оправдания своего подхода они говорят следующее: «Мы ничего не можем сделать. Поэтический образ мышления варваров древности не отличался четкостью и ясностью, поэтому мы вынуждены прибегать к таким ухищрениям, чтобы сделать их произведения понятными; а что касается наших комментариев, то они совершенны и безупречны». Другими словами, отбросив в сторону все рассуждения и доводы, интерпретация, предложенная европейскими учеными, не принесла ничего нового по сравнению с толкованиями исследователей Востока и смысл Вед остался по-прежнему сложным для понимания и невразумительным. Все как будто звучало по-новому и в то же время оставалось без изменений. Поистине сотни громовержцев с берегов Темзы, Сены и Невы обрушили на наши головы семь небесных потоков нового учения, но никто из них не смог рассеять мрак, созданный Вритрой.

Как и прежде, мы пребываем в том же мраке неведения.

Агни – Божественная сила

В этом обряде жертвоприношения молитву возносит сознательное существо человека, или хозяин дома, а внешняя природа человеческого существа выступает как его супруга, разделяющая дхарму хозяина дома. Но кто же тогда выступает в роли священнослужителя, жреца? Если возложить эту миссию на человеческое существо, то вряд ли можно надеяться, что обряд жертвоприношения будет совершен надлежащим образом, поскольку человеческое существо находится во власти эго и связано тройственными цепями разума, жизни и тела. При этом, если человеческое существо само провозгласит себя священником, то эго будет играть роль приносящего жертву, Ритвика[45], и даже более того – роль божества обряда жертвоприношения, и тогда возникнет большая опасность того, что произойдет нечто непредвиденное, ибо сам обряд будет исполнен неправильно. Поначалу человеческое существо хочет получить освобождение от предельно ограниченных условий своего существования, и если оно желает стать свободным от уз этого мира, то ему придется полагаться на силу, превосходящую его собственные возможности. Знание и сила, способствующие правильному выполнению обряда, не появляются внезапно, но приходят значительное время спустя – даже и после того, как ослабнут тройственные цепи, приковывающие человека к жертвенному столбу. Божественное знание и божественная сила необходимы, но они могут прийти и развиться до совершенного состояния лишь в результате жертвы. Даже достигая освобождения и приобретая божественное знание и силу, человеческое существо не становится господином жертвы, санкционирующим ее и вкушающим ее плоды, – им остается Ишвара[46]. Мы должны приветствовать Божественное, водворяя Его на жертвенном алтаре. Пока Божественное не войдет в сердце человека, не проявится и не утвердится в нем, человеческое существо не может достичь обожествления и бессмертия. Да действительно, Риши древности, провидцы, внимавшие *мантре*, принимали на себя роль жрецов в жертвоприношении, совершаемом теми, в ком божество еще не пробудилось, чтобы призвать его проявиться у них в сердце; Васиштха и Вишвамитра становились ходатаями жертвы Судаса[47], Трасадасью[48] и сына Бхараты[49]. Но произнесение мантры и совершение подношений имело целью предложить Божественному занять место жреца, совершавшего обряд жертвоприношения. Никто не может принести человеку освобождение, пока в его сердце не проснется Божественное. Бог есть единственный освободитель: лишь Он один – тот священнослужитель, который в состоянии привести человека к реализации.

Когда Божественное становится священнослужителем, то его называют мистическим Огнем, Агни – Божественным, воплощенным в виде огня. Если Агни принимает на себя роль жреца – это крайне благоприятное начинание, которое является лучшим залогом успешного и совершенного во всех отношениях исполнения обряда жертвоприношения. Вот почему именно такая роль Агни провозглашается в первом стихе первого гимна Ригведы.

Кто же есть Агни? Корень слова «*аг*» означает силу; а обладающий силой есть Агни. Корень «*аг*» обозначает в то же время свет или горение, силу, преисполненную пылающего огня знания, действенную энергию знания. Владеющий этой энергией уподобляется Агни. Этот корень также имеет значение первенства и преобладания; его семантическое значе-

---

[45] *Ритвик* или *ритвидж* – ведийский жрец, который в должное время и правильно совершает обряд жертвоприношения.

[46] *Ишвара* – букв. «владетель»; имя Бога – Творца и Владыки.

[47] *Судас* – царь, прославившийся своими жертвоприношениями, при дворе которого состояли риши Васиштха и Вишвамитра.

[48] *Трасадасью* – царь-мудрец, автор ряда гимнов Ригведы.

[49] *Бхарата* – царь, от которого ведет свое происхождение упоминаемый в Ригведе род воинов бхаратов.

ние – изначальная вселенская сила, первооснова всех проявленных универсальных элементов и сил. Обладающий этой силой есть Агни. Корень «*аг*» имеет еще значение «*наяна*»: вести, направлять. Владеющий вечной изначальной могущественной энергией вселенной и направляющий ее по предначертанному пути к предназначенной цели, как юноша, ведущий за собой Божественную рать, или наставник, поддерживающий на правильном пути своим знанием и силой Природу в ее многообразии, – все это и есть Агни. Все эти добродетели Агни сотни раз воспеты во множестве сукт Веды. Первопричина нашей вселенной, скрытая за внешним процессом ее развития, изначальная универсальная сила, прибежище всех богов, источник любой дхармы, хранитель изначального, исконного предназначения и истины вселенной – Агни есть не что иное, как всемогущая и всеведущая энергия Божественного, воплощенная в виде силы, жара и сияния. Принцип подлинного Бытия Истины-Сознания-Блаженства[50] включает в себя Сознание. То, что является Сознанием Бытия, есть в то же время и Сила Бытия. Сознание-Сила представляет собой энергию, на которой зиждется вся вселенная, это – первопричина и творец мироздания, жизнь вселенной и ее властелин. Когда Сознание прячет свой лик на груди Существа чистого Бытия и с закрытыми глазами созерцает форму чистого Бытия, бесконечная Энергия затихает и проявленный мир погружается в океан покоя Ананды. А когда Сознание пробуждается вновь и открывает глаза, обращая свой любящий взор на Существо чистого Бытия, и созерцает Его бесконечные формы проявления и бесчисленные имена, увлеченное Его восхитительной Игрой-Лилой вымышленного разобщения и воссоединения, то нескончаемые потоки Ананды порождают в океане бытия бесконечные волны неистовой боли и вселенского наслаждения. Эта всемогущая концентрация Сознания-Силы, всецело однонаправленная и вместе с тем бесконечно многополюсная, и есть всеактивизирующая и всепитающая энергетическая Сила. И если при создании какого-то образа или формы Существо чистого Бытия проявляет определенную истину или достигает конкретного результата, задействуя свое Сознание-Силу и воплощая ее в том или ином статусе собственного бытия, то это делается с помощью Тапаса, энергетической Силы.

Мы обнаруживаем, что Сознание-Сила проявляется в двух аспектах: как Сознание и как Энергия, как Всеведение и как Всемогущество. Но на самом деле эти два аспекта выступают в единстве, поскольку Знание Божественного обладает всемогуществом, а Его Сила наделена всеведением. Если Он представит Себе свет, то рождение света неизбежно, ибо Его Знание есть лишь сознательная форма Его Силы. Точно так же и все вибрации материальной природы – например, движение атома или вспышка молнии, – преисполнены Его Знанием, поскольку Его Сила есть лишь динамическое проявление Его Знания. Из-за Неведения, свойственного нашему разделяющему интеллекту, а также присущей низшей Природе двойственности Знание и Сила превратились в два разобщенных и словно бы противостоящих друг другу аспекта, утратив свою изначальную полноту и завершенность, – хотя в действительности это мнимое противоречие между ними является лишь условностью вселенской игры. По существу Всеведение и Всемогущество Божественного скрыты в мельчайших движениях, проявлениях и импульсах вселенной; никто в этом мире не в состоянии совершить что бы то ни было без помощи этого Знания и Силы. Эти Всеведение и Всемогущество проявляются и действуют равным образом и через уста Риши, поющие ведические гимны, и через волю выдающейся личности, знаменующей начало исторической эпохи, и точно так же – через бред сумасшедшего или агонию раздавленного дождевого червя. И даже когда мы попусту растрачиваем силу за неимением знания или безуспешно применяем знание от недостатка силы, наши жалкие усилия в этом мире все равно приносят плоды, потому что Всеведущий и Всемогущий с помощью Своего Знания втайне направляет должным обра-

[50] *Бытие-Сознание-Блаженство* – Сатчитананда(санскр.) – тройственный принцип Божественного Существования.

зом силу человека и с помощью Своей Силы способствует наслаждению Знанием. Свершается то, что предначертано, и результат всегда бывает справедливым, хотя и не всегда соответствует нашим ожиданиям и планам. В неудавшихся замыслах человека скрывается Его промысел, а наши несостоявшиеся начинания есть не что иное, как Его тайное благословение, творящее малое и незаметное, но необходимое добро на уровне самых незначительных событий космической игры, направляя ее к ее великой и возвышенной цели. Зло, неведение, неудачи – все это лишь видимость. При помощи зла Он творит добро, через неведение – ведет к знанию, в поражении – открывает путь к успеху, делая самые неожиданные шаги, используя самые непредвиденные возможности: все свершается по воле этой потаенной силы. Присутствие Агни в форме Тапаса, или Энергии, делает все это возможным и реальным. Неизбежное добро, неделимое Знание и необоримая Сила являются воплощением Божественного в аспекте Агни. Так же как едины, будучи вибрациями Ананды, Сознание и Сила Пуруши[51] чистого Бытия, точно так же неотделимы друг от друга, благодатны и благотворны, как формы проявления Божественного, Знание и Сила Агни.

Внешнее обличье мира выглядит совсем иначе: здесь преобладает ложь, неведение, зло и слабость. Однако за пугающей и страшной внешней маской скрывается лик любящей Матери. Несознание, инерция и страдание есть лишь чародейские ухищрения. Поэтому Веда сравнивает наше обычное сознание с мраком ночи. Даже высшие проявления человеческого интеллекта подобны тусклому свету луны и мерцанию звезд на божественном небосклоне ночи. Но в глубине непроглядного мрака ночи скрывается сестра тьмы – Уша, заря, несущая извечный свет грядущего Божественного Знания. Даже во мраке земного сознания сила Агни снова и снова вспыхивает языками пламени, свет от которого становится все ярче с восходом утренней зари, Уши. Именно сила Агни приготовляет час, когда в этом мире тьмы рождается Уша, несущая сознание Истины. Всевышний ниспослал в этот мир силу Агни и утвердил ее здесь; потаенно пребывая в сердце всех живых существ и неживых предметов, Агни контролирует и направляет все движения вселенной. Среди этой бренной, преходящей лжи – Агни – хранитель вечной Истины. На уровне инертной и несознательной природы – Агни – это сокровенное сознание и великая динамическая сила материи. Скрываясь под маской неведения, Агни представляет собой тайное знание Божественного. В безобразном и отвратительном пороке – Агни – суть извечная незапятнанная чистота Божественного. В тяжком и мрачном чаду нищеты и страдания – Агни – это Его пылкое наслаждение радостью мироздания. Облаченный в грязные лохмотья слабости и немощи, Агни есть Его вездесущая и всесильная энергия действия. Если хотя бы однажды мы сможем преодолеть эту завесу тьмы, найти и зажечь в своем сердце Агни, освободить и направить вверх его безудержное пламя, то Агни привнесет свыше в наше сознание Божественную зарю, Ушу, пробудит сокрытых в человеке богов, развеет мрачные покровы лжи, невежества, печали и страданий и превратит природу человека в бессмертную природу Божества. Агни есть основная и высшая форма проявления Божественного в человеке. Так зажжем же огонь Агни на алтаре нашего сердца, приветствуя его как жреца, приносящего жертву, и пусть сгорят в этом жарком пламени всемогущества и всеведения, в золотом сиянии знания и всепоглощающем и очищающем огне силы все наши мелкие радости и боли, жалкие человеческие усилия и неудачи, все, что есть ложь и смерть. Пусть все старое, отжившее и отпавшее от Правды обратится в прах, а из праха, подобна Савитри[52], восстанет вызванная к жизни божественной силой Агни наша новая, истинная природа.

Не забывайте, что все заключено в нашем сердце. Агни сокрыт в человеке, так же как и жертвенный алтарь, и жертва, и священнослужитель, исполняющий обряд жертвоприно-

---

[51] *Пуруша* – Сознающий Дух, Свидетель, стоящий позади всех движений Природы (*Пракрити*) и санкционирующий их.

[52] *Савитри* – дочь Солнца; богиня Божественного Слова, которая рождается, чтобы явить Истину в низшей природе.

шения; и провидец, и Слово, и божество – все это мы несем в себе. Ведические гимны, воспевающие Брахмана, враждебные демоны и титаны – все таится в человеке. Мы вмещаем в своем сердце и Вритру и его победителя, и битву между богами и титанами, и Васиштху, и Вишвамитру, и Ангиру, и Атри, и Бхригу, и Атхарву[53], и Судаса, и Трасадасью, олицетворяющих пять типов арийских искателей Брахмана, и Дасью[54]. Дух человека и дух вселенной – едины. Все, что близко к нам и далеко от нас, десять сторон света[55], два океана, семь рек и семь миров – все сокрыто в человеке. Наша земная жизнь проходит в пространстве между двумя потаенными океанами. Низший океан есть незримое бесконечное сознание, из которого и днем и ночью, каждое мгновение, рождаются все эти эмоции и импульсы, имена и формы, подобно ярким звездам и галактикам, блистающим в недрах богини Ночи. На современном языке это называется сферой Несознания или Подсознания, на языке Веды – *апракетам салилам*, океаном подсознания, который, несмотря на свое название, не лишен сознания. В нем заключено трансцендентное универсальное начало, вмещающее в себя все знание и действие; этот океан расширяется в состоянии транса, создавая вселенную и ее проявления. Высший океан, недоступный взору, простирается над нами: это свободное бесконечное сознание, Сверхсознание, по отношению к которому это «сознание-бессознание» есть не более чем тень. В этом мире Бытие-Сознание-Блаженство полностью проявлено в *сат-локе*, мире истинного Бытия, как бесконечное Существование. В *тапа-локе*, мире энергии самосознания, Бытие-Сознание-Блаженство проявлено как бесконечное Сознание; в мире созидающего Блаженства, *джана-локе*, – как бесконечное Счастье, а в мире бескрайнего сознания, *махар-локе*, – как всеобъемлющая Истина космического Духа. Промежуточное пространство-сознание между двумя океанами, о котором говорится в Веде, – это Земля. От этой земли вздымается к небу могучий утес, и каждый его уступ соответствует определенному этапу восхождения человека, одному из семи внутренних миров. Боги помогают нам совершить восхождение, титаны наоборот препятствуют этому пути человека в высшие сферы. Возвышающийся до небес утес олицетворяет собой жертвенный путь ведического искателя Истины. Совершая обряд жертвоприношения, мы должны подняться к океану света в сфере высшего эфира. Агни ведет нас по этому пути и помогает в восхождении; он выступает в качестве воина, ведущего битву, и священнослужителя, приносящего жертву. Ведические поэты-провидцы в своем изложении духовного знания отталкиваются от этого фундаментального образа, подобно тому, как вайшнавы[56] используют в своих песнях о Радхе и Кришне символ влюбленных пастухов и пастушек Вриндавана. Если мы будем помнить об этом образе и его значении, то понимание истинного смысла Веды не составит труда.

[53] Перечисляются имена легендарных Риши, основателей ведийских жреческих родов (*прим. ред.*).

[54] Темные силы, препятствующие проявлению Света (*прим. ред.*).

[55] В индийской традиции к основным сторонам света – север, юг, запад, восток и промежуточным прибавляются еще две – зенит и надир.

[56] Почитатели бога Вишну (*прим. ред.*).

Ригведа

Новый подход к Ригведе изложен в статье «Тайна Веды», которая была опубликована в журнале «Арья». Перевод выбранных для настоящей публикации отрывков из Ригведы выполнен в духе этого подхода, согласно которому Веда есть памятник истинного духовного знания, чрезвычайно глубокого и эзотеричного и потому завуалированного в речевых символах и образах, а также в терминах из области храмовой жертвенной практики. При том, что эти языковые ухищрения делали Веду недоступной для понимания обычного человека, посвященный свободно угадывал за ними многообразные откровения Истины. Все образы Веды исполнены духовного значения. Подлинный смысл текстов Веды станет более или менее понятным, если мы узнаем «тайные имена» богов и присущие им свойства, постигнем значение таких ключевых слов, как *го, ашва, сомараса* и других, поймем назначение и роль *дайтьев*-демонов, и их скрытую суть, проникнем в завуалированный смысл ведических метафор и легенд. Конечно, следует помнить, что истинное понимание Веды приходит лишь в результате овладения особым знанием, которое не приобретается одним лишь добросовестным и настойчивым изучением Веды, но дается только в ходе *садханы*, духовной практики.

Предлагаю читателю самому соприкоснуться с ведическими истинами. Сегодня я буду говорить лишь о тематическом предмете Веды, который сам по себе является извечным вопросом. Проявленный мир существует в Брахмане, но истина Брахмана непостижима для человеческого интеллекта. Риши Агастья говорит о Нем, как о *тат адбхутам*, превосходящем все сущее и запредельном по отношению ко времени. Достигал ли кто-либо из людей теперь или в прошлом познания Брахмана? Брахман присутствует в сознании каждого из нас, но ускользает от малейшей попытки человеческого интеллекта приблизиться к Нему. Именно таков смысл известного образа из Кена Упанишады[57]: Индра[58] устремляется к Брахману, но, уже почти достигнув своей цели, понимает, что Брахман неуловим. И все-таки возможно познать Брахмана как божественное Существо.

Божественное, являясь *адбхута*, сокровенным, в то же время проявляется в трех основных ипостасях: Бог есть чистое Бытие, Сознание-Сила и Блаженство. Возможно осознание и восприятие Бога как Блаженства. В разных обличьях и под разными именами Бог пронизывает и поддерживает всю вселенную. Ведические боги олицетворяют эти имена и формы Всевышнего.

В Веде говорится о двух морях, одно из которых находится выше, а другое – ниже проявленного мира. То, что расположено ниже, *апракета хридья*, или *хритсамудра*, есть скрытое море, которое сегодня принято именовать Подсознанием; то, что лежит выше нашего мира, – есть море чистого Бытия, именуемое также Сверхсознанием. Эти два моря известны также под названием пещер или скрытых истин. Брахманаспати[59] с помощью Слова вызывает к жизни проявленный мир из океана Подсознания. Рудра[60] порождает жизнь, озаряет ее своей могущественной силой и заставляет ее двигаться по предназначенному ей пути. Вишну своей всепроникающей энергией неустанно поддерживает океан чистого Бытия, или

---

[57] Упанишады – тексты, завершающие священный ведический канон. Из примерно двухсот известных Упанишад около четырнадцати считаются основными (*прим. ред.*).

[58] *Зд.* – божественный Разум; божество, олицетворяющее принцип ментального осознания (*прим. ред.*).

[59] *Брахманаспати* – Господин божественной молитвы (брахмы); Бог, созидающий силой Слова мироздание.

[60] *Рудра* – ведийское божество грозы; Бог, неистовый и яростный, своей силой движущий все творение к высшей цели. Позднее отождествляется с Шивой.

семь потоков жизни, направляя их к предначертанной цели. Все остальные боги выступают в качестве помощников и сотрудников трех основных Божеств[61].

Сурья, или Солнце, бог Света-Истины, выступает как «Савитар»[62], когда созидает и творит, и как «Пушан» [63], когда питает и поддерживает творение. В качестве уничтожителя мрака лжи и создателя света истины и знания он предстает как Сурья. Агни – это *manac*, действенная энергия Сознания-Силы. Он созидает вселенную и пронизывает собой все сущее в ней. Мы знаем Его как огонь на материальном уровне; на уровне жизни Он выступает как желание и радость – и в то же время как пожиратель всего и вся; на уровне разума Он есть вдохновение и воля; на планах бытия, превосходящих разум, Он есть владыка сознательной силы действия.

Мандала 1, Сукта 1. Текст и комментарии к нему

Agnimīde purohita# vajñasva devam #tvijam; hotāra# ratnadhātamam. (1)

«Огню поклоняюсь, он Жертвы моей ходатай, он божественный Ритвик, он глашатай блаженства».

Ī#e-bhajāmi, prārthaye, kāmaye: я поклоняюсь.

Purohitam – тот, кто сидит перед жертвенным алтарем; представитель приносящего жертву и исполнитель обряда жертвоприношения.

#tvijam – совершающий жертвенный обряд в соответствии с требованиями времени, места и обстоятельств.

Hotāram – тот, кто, призывая богов, обеспечивает успех жертвоприношению.

Ratnadhā – слово *ratna* Саяна переводит как «великолепные сокровища»; правильнее будет перевести его как «благое богатство».

Dhā – тот, кто несет, направляет или устанавливает.

Agni pūrvebhir ##ibhir ī#yo nūtanairuta; sa devān eha vak#ati. (2)

«Тот Огонь, что мудрые издревле почитали, вслед за ними и мы почитаем сегодня. Он приносит сюда богов».

Слово *sa* содержит указание на то, почему поклоняются богам.

Eha vak#ati – iha āvahati: Агни несет богов в своей колеснице.

Agninā rayim aśnavat po#ameva divedive; yaśasam vīravattamam. (3)

«Поклоняясь огню, наслаждаются люди богатством, что воистину день ото дня растет неуклонно и исполнено силы геройства».

Rayim – ayi#, rāya# и пр. Обозначает то же, что и слово *ratna*. Но слово *ratna* имеет смысловой оттенок «наслаждение».

Aśnavat-aśnuyāt – получать или наслаждаться.

---

[61] Здесь говорится о трех основных ипостасях Единого Бога, которые позже претворятся в триаду верховных богов индуизма – Брахма (творец), Шива (разрушитель), Вишну (охранитель).

[62] *Букв.* – «побуждающий», «порождающий» (*прим. ред.*).

[63] *Букв.* – «питающий», «вскармливающий» (*прим. ред.*).

Po#am и пр. – прилагательные, определения к *rayi#; po#am* означает «то, что растет, возрастает».

Yaśasam – Саяна переводит иногда как «слава», а иногда как «пища». По-видимому, подлинный смысл этого слова – «успех, достижение цели». Также это слово может употребляться в значении «сияние», но не в данном контексте.

> *Agne yam yajñam adhvaram viśvata# paribhūrasi; sa id deve#u gacchati.* (4)

«О Пламя! Поистине возносится к Богам та жертва-странница, что ты со всех сторон подхватишь своею прозорливой сутью».

Adhvaram – корень *dhv#* означает «убивать». Саяна переводит это как «бескровная жертва», *ahi#sita yajña*. Но слово *adhvara* само по себе стало обозначать «жертву» – то есть такое толкование для этого слова недопустимо. Слово *adhvan* означает «путь», поэтому *adhvara* должно обозначать «путника» или «того, кто имеет форму пути». Жертва есть путь, ведущий в обитель богов. В то же время жертва повсеместно считалась священной странницей в обители богов. Такое толкование будет верным. Слово *adhvara*, так же как и слово *adhvan*, происходит от корня *ad#*; в качестве подтверждения можно сослаться на то, что и *adhva*, и *adhvara* использовались в значении «небо».

paribhūh-parito jāta#

deve#u — местный падеж, указывающий на направление движения.

it-eva – поистине.

Духовное значение. Вселенская жертва

Вселенская жизнь подобна неизмеримой жертве.

Сам Бог есть господин и владыка жертвы. Бог – это Шива, а Природа – это Ума[64]. Хотя Природа и несет образ Шивы в своем сердце, ей не хватает его зримой формы; она стремится к обладанию его осязаемым телом. В этом стремлении заключен глубокий смысл вселенской жизни.

Каким образом Природа может достичь своей цели? Каким путем она может прийти к Всевышнему? Как она может обрести свою подлинную форму и форму Всевышнего? Ее глаза устали от сдавливающей их повязки неведения, а ноги ее связаны бесконечными путами материи. Физическая Природа словно заключила бесконечное бытие в пределах конечного и сама при этом оказалась в положении пленника, неспособного отыскать потерянный ключ от своей темницы; словно бы инертные вибрации жизненной энергии в материи пересилили свободную и безграничную Сознание-Силу и лишили ее способности говорить, отняли у нее память и сознание; словно бесконечное Блаженство, скрытое под маской низшего сознания, подверженного заурядным горестям и радостям, забыло о своей истинной природе и, не будучи в состоянии вспомнить ее, опускается все ниже и ниже в бездонную пучину страдания; словно истина погрузилась в зыбкие волны лжи. Супраментальный принцип, лежащий за пределами интеллекта, есть основа бесконечной Истины. Супрамental либо вообще не имеет возможности действовать в условиях земного сознания, либо проявляется лишь очень редко как мгновенная вспышка далекой молнии, пронизывающая покровы мрака. Робкий, убогий и ленивый ум снова и снова пытается найти истину, и иногда, прилагая титанические усилия, ему удается ухватить ее отблеск, но всеобъемлющая Истина в своей сияющей бесконечности неизменно ускользает от человеческого разума.

[64] В индийской мифологии – имя супруги Шивы (*прим. ред.*)

Усилия разума, а вместе с ними и человеческое знание, несут на себе отпечаток все той же борьбы, неудачи и скудости. Вместо широкого и непринужденного радостного жеста божественной Истины на уровне низшей Природы имеют место ущербные потуги волевой энергии, направленные на преодоление неистребимых противоречивых и двойственных оков истины и лжи, порока и добродетели, живительного нектара и смертоносного яда, действия, бездействия и ложного действия. Свободное, торжествующее проявление божественного действия, лишенное в своей благости сомнений и пристрастий и проникнутое пьянящим ощущением единства всего и вся, пока еще остается неосуществимым на уровне низшей Природы, исключающей естественное и простое выражение вселенских движений. Может ли земная Природа, связанная по рукам и ногам противоречиями двойственности и ложью, надеяться на обретение беспредельного Бытия, безграничного Сознания-Силы, необъятного Сознания-Блаженства, и если да, то каким путем она сможет достичь всего этого?

Средством достижения является жертва. Жертва, в свою очередь, предполагает самоотдачу и самопожертвование. Все, что вы собой представляете, что имеете в своем распоряжении, чем станете в будущем с помощью собственных усилий и божественной милости, что сможете заработать или сберечь по ходу своей деятельности, – бросьте, подобно очищенному маслу, в огонь божественной энергии, как подношение Всеблагому. Пожертвовав тем немногим, что у вас есть, вы обретете бесконечное целое. Йога исчерпывается жертвой. Бесконечность, бессмертие и божественная благодать есть логический и законный результат йогической практики. Спасение Природы возможно лишь на пути йоги и жертвы.

Универсальной Природе известна эта тайна. Преисполненная этой надеждой изо дня в день, из года в год, из века в век, не зная ни сна, ни отдыха, она совершает эту жертву. Все ее действия, все усилия есть часть этого космического ритуала. Она приносит в жертву все, что созидает и творит. Она знает, что вездесущий и всепроникающий божественный Актер вкушает безмерное блаженство и принимает как жертву любые целенаправленные усилия и аскетические подвиги. Он один через взлеты и падения, через знание, неведение и смерть медленно и уверенно направляет акт космической жертвы по предначертанному пути. Его уверенность придает универсальной Природе бесстрашие и делает ее волю несгибаемой и стойкой. Побуждаемая и движимая неиссякаемым и всеобъемлющим божественным импульсом, она сознательно бросает все, что может, – созидание и разрушение, рождение и смерть, знание и неведение, счастье и страдание, молодость и зрелость, красоту и уродство, чистоту и порок – в гигантское вечное пламя жертвенного огня. Тонкие и грубые объекты, приносимые в жертву, составляют очищенное масло, используемое в обряде жертвоприношения, а Джива, воплощенное существо, есть связанное жертвенное животное, приготовленное к закланию. Природа постоянно приносит в жертву Дживу, привязанного к жертвенному столбу тройственными узами разума, жизни и тела. Узы разума – это неведение; узы жизни – страдание, желание и конфликт; узы тела – смерть.

Природе предначертан путь к спасению; каким образом Джива может освободиться от связывающих его пут? С помощью жертвы, самоотдачи и самопожертвования. Вместо того чтобы находиться под безраздельным господством Природы и выступать в роли ее жертвенного животного, приготовленного к закланию, Джива должен восстать и сам превратиться в жреца, приносящего в жертву все, чем он обладает. В этом заключена глубокая вселенская тайна: Пуруша выступает не только как божество жертвы, но и как приносимый в жертву объект. Пуруша передал в руки и во власть Пракрити как подношение свой собственный разум, жизнь и тело, совершив этот акт жертвоприношения. Основной мотив, который скрывается за его самоотдачей, сводится к тому, что однажды, когда он станет сознательным, Пуруша возьмет за руку Пракрити, объявит ее своей супругой и участницей в обряде жертвоприношения, а сам выполнит этот священный жертвенный ритуал. Человек был создан, чтобы осуществить это тайное устремление Пуруши, который сам хочет участ-

вовать в космической игре, Лиле, в человеческом обличье. Обладание своим истинным «я», бессмертие, бесконечное блаженство, неограниченное знание, беспредельная сила и неизмеримая любовь должны быть доступны человеческому сознанию и воплощенному человеку в теле. Все эти формы блаженства существуют в самом Пуруше, и, будучи Вечным, он вечно ими наслаждается. Но, создавая человека, Пуруша активно наслаждается противоположностью единства в многообразии, противоположностью бесконечного в конечном; он находит радость во внешнем, чувственном и смертном существовании, противостоящем внутренней, сверхчувственной и бессмертной жизни. Находясь выше нашего разума, за пределами интеллекта, на тайном уровне супраментального Сознания-Истины и вместе с тем – в потаенной внутренней сфере по ту сторону человеческого сердца, в пещере сердца, на сокровенном плане самопоглощенного сознания, где сердце, ум, жизнь, тело и интеллект предстают лишь легкой рябью на поверхности этого безграничного океана, Пуруша испытывает блаженство от слепых усилий и поисков Пракрити, стремящейся обрести единство в столкновении двойственностей. На высших уровнях сознания Пуруша наслаждается знанием, на низших уровнях сознания – неведением, причем одно не противоречит другому и происходит одновременно. Но если Пуруша извечно пребывает в таком состоянии, то стоящая перед ним высшая цель не может быть достигнута. Поэтому для каждого человека предопределен момент его пробуждения. В один прекрасный день скрытое внутри человека божество откажется от этого механистического, бесполезного, низшего самопожертвования и, воспевая собственную мантру, со всей полнотой знания приступит к ритуалу жертвоприношения. Сознательное принесение жертвы, сопровождаемое правильной мантрой, и есть «Карма», или работа, упоминаемая в Веде. Она имеет перед собой двоякую цель: достижение полноты универсального множества, что в Веде называется универсальным божеством и универсальным человечеством, и реализацию бессмертия на уровне отдельной личности, отдельного самосознания Божественного. Боги, фигурирующие в Веде под именами Индра, Агни и Варуна, – вовсе не малозначимые низшие божества темной древности, удостоившиеся в наши дни людского презрения; нет, они олицетворяют различные формы светозарного и всесильного Божественного. И это бессмертие отнюдь не сводится к по-детски наивным небесам, описанным в Пуранах; оно есть *свар*, мир Божественной Истины, столь желанный для ведических Риши, торжество Бесконечного Бытия. Провозглашаемое в Веде бессмертие есть бесконечное Бытие и Сознание извечной триады Бытия-Сознания-Блаженства.

Мандала 1, Сукта 17

1. О Индра, о Варуна, владыки истинные вы; мы к вам взываем как к заступникам своим; пусть множится в нас сила ваша, защитников людских.

2. Оберегаете вы жертву мудрых, способных силу вашу воспринять, воистину поддерживая все деянья в мире.

3. Так насладитесь, по желанью своему, блаженством тем, что полнит наш сосуд телесный. О Индра, о Варуна, хотим мы жить в единстве с вами.

4. Да сохраним в себе мы эти силы, мысли эти, что в нас богатство внутреннее множат.

5. О Индра, господином будь желанным всему, что может преумножить силу; и ты, Варуна, будь владыкой бескрайнему, великому всему.

6. Под вашею защитой да будем жить мы счастливо, спокойно и обретем способность в медитации глубокой пребывать. Да будет совершенным очищенье наше.

7. О Индра, о Варуна, свою мы совершаем жертву в надежде всеобъемлющее счастье получить от вас. Да будет нам всегда сопутствовать победа.

8. О Индра, о Варуна, да будет разум наш всецело вам подвластен; даруйте нам покой, возобладав над мыслями и над рассудком нашим.

9. О Индра, о Варуна, да насладитесь вы прекрасным гимном, что мы как жертву преподносим вам; поистине слова молитвы нашей лишь вам одним принадлежат.

Комментарий

Когда древние Риши, осознав собственное несовершенство после приобретения некоторого опыта на пути йоги, молили богов даровать им помощь в духовной битве с внутренними врагами или полноту реализации, устойчивую, действенную власть над силами разума; когда они взывали к богам, чтобы обрести, преумножить и сохранить изобилие внутреннего озарения и блаженства, то, как мы видим, для большей выразительности они зачастую обращались сразу к двум божествам. Двое Ашвинов, Индра и Ваю, Митра и Варуна нередко фигурируют в ведийских гимнах вместе. Однако в вышеприведенном гимне Риши Медхатитхи из рода Канва[65], упоминая имена не Индры и Ваю и не Митры и Варуны, но Индры и Варуны, просит у этих богов блаженства, покоя и обретения высшего сознания. Достигнув состояния безбрежной внутренней умиротворенности, он хочет овладеть искусством свободного и одухотворенного действия. Мудрец просит наделить его могучим, огненным духом, но чтобы мощь его при этом проистекала из глубокого и несокрушимого знания, из душевного порыва, взлетающего к небу целеустремленным действием на крыльях мира и покоя. Он хочет обрести опыт внутреннего покоя и величия, оставаясь в объятьях бесконечного океана Ананды и его бурных и многоцветных волн наслаждения, но не желая погружаться с головой в воды блаженства и терять в них сознание или быть игрушкой бушующего потока. Индра и Варуна являются как раз теми божествами, которые могут помочь ему в этом. Индра – царь, Варуна – державный властитель. Индра дарует чистоту и силу разума, на которых основана любая продуктивная и эффективная ментальная деятельность. Индра также ограждает сферу разума от нападок демонов, насылаемых Вритрой. Варуна же обеспечивает все истинные и положительные состояния ума и духа, без которых и мысль, и действие неизбежно впадают в слабость, беспомощность, высокомерие и бездействие. Поэтому в самом начале этой сукты Риши Медхатитхи взывает к помощи и покровительству Индры и Варуны; *indrā-varu#ayorahamava āv##e*, «О Индра, о Варуна, владыки истинные вы; мы к вам взываем как к заступникам своим», *samrājo#*, владыки, ибо они и есть истинные владыки и повелители. Так, *īd#śe*, в вышеописанном состоянии духа, мудрец призывает богов явить свою милость по отношению к людям и к нему самому – *tā no m##āta īd#śe*.

Когда все возможности и способности тела, жизни, разума и супраментальной составляющей находятся в сбалансированном состоянии и занимают подобающее им место, не довлея и не господствуя друг над другом, что, в свою очередь, исключает возможность всякого мятежа и анархии; когда каждая из частей человеческого существа подчиняется своему соответствующему божеству Высшей Природы, с радостью выполняя отведенную ей функцию в той мере и в то время, которое определит ей Божественное; когда человеческое Существо является своим собственным господином и полностью контролирует работу своего инструментария; когда глубокий покой сочетается с сияющей и безграничной силой действия, а все составляющие человеческого существа подчиняются установленному порядку и совершенным образом и в согласии друг с другом выполняют надлежащую работу на радость всего существа в целом, или когда человек испытывает безбрежный покой и несказанное блаженство, погружаясь по желанию в безмятежное бездействие, – то человек испытывает такое состояние бытия, которое ведантисты древности называли царством (господством над самим собою) или державой (господством над другими). Индра и Варуна, в частности, являются владыками этого состояния бытия, державными правителями. Индра,

[65] *Род Канва* – знаменитый род ведийских риши; певцам этого рода приписывается создание многих гимнов Ригведы.

становясь державным правителем, приводит в действие все возможные способности человеческого существа, а Варуна – управляет нашими способностями и возвышает их.

Но далеко не все удостаиваются помощи этих двух небожителей. На нее может рассчитывать только тот, кто обладает знанием и утвердился в покое и беспристрастном ко всему отношении. Для этого нужно быть *vipra, māvān*. Слово *vipra* не означает «брамин». Корень *vi* означает «проявлять, озарять», а корень *vip* означает «игру» или «вибрацию» или «полноту» проявления, озарения. Тот, чей разум озарен знанием, открыт знанию и готов следовать по нелегкому пути знания, поистине есть *vipra*. Корень *mā* означает «держать». Мать «держит» дитя в своей утробе, поэтому ее называют *mātā*. Бог Ваю, дающий жизнь всякому действию, известен под именем Матаришван, «тот, кто воплощает себя в образе Матери вседержительницы или в образе неба» – неба, несущего в своем чреве рождение, жизнь и смерть всех созданий и существ и остающегося в то же время безучастным и беспристрастным ко всему. Кто терпелив, как само небо, способное вместить в себя и выдержать всю немыслимую игру сил, оставаясь при этом погруженным в безмолвное счастье, даже когда вокруг бушует циклон и мелькают зигзаги молний, а смерч в разрушительной пляске божественного восторга вырывает с корнями деревья и поднимает на воздух животных и целые дома, кто может открыть собственное тело игре невыносимой физической и витальной боли, сохраняя покой, внутреннее состояние блаженства и бесстрастную позицию постороннего наблюдателя, тот поистине – *māvān*. Когда *māvān* сочетает в себе в то же время качества *vipra* (озаренного), когда непреклонный приверженец знания превращает свое тело в жертвенный алтарь и обращается с мольбой к богам, то Индра и Варуна нисходят в него и живут в нем; иногда это происходит даже помимо воли человека, и тогда боги становятся его поддержкой и опорой, *dhartārā car#a#īnām* («воистину поддерживая все деянья в мире»), во всех его желаниях и действиях, наделяя его великим счастьем, силой и просветленным знанием.

Мандала 1, Сукта 75

1. О Пламя огненное! То, что выразить хочу, предмет для радости богов, – безбрежно, беспредельно; прими и поглоти его с любовью; все подношения мои прими и поглоти.

2. Божественная Сила! Ты божество всевышнее и равных нет тебе среди вселенских сил, пусть этот гимн священный сердца моего твоим любимым гимном станет и ты желаньями моими насладишься.

3. Божественная Сила! Огненное Пламя! Кто друг и брат твой в мире этом? Кто может дружбу подарить свою, что привести к Божественному нас способна? Кто Ты? В чьем сердце Агни получил приют?

4. О Агни, ты поистине есть брат живых существ и друг возлюбленный проявленного мира; ты истинный товарищ, желанный для товарищей твоих.

5. За нас ты жертву Митре и Варуне соверши, пожертвуй Истине безбрежной и богам; о Агни, эта Истина есть твой родимый дом. Пусть жертва будет с этой целью совершаться.

Мандала 3, Сукта 46

1. Деянья героические Индры благородны, он громовержец и владыка Мира, он – воин и всесильный управитель-самодержец, он – вечно юный бог сиятельный, бессмертный, и он – властитель сил невозмутимых.

2. О Чистый, о Великий, ты истинно велик; желаем мы богатство обрести чрез действие твоей могучей силы. Ты – царь единый всего, что видимо во всей вселенной; на битву человека вдохнови; в том, кто достоин славы и побед, покой и мир ты утверди.

3. Себя в сиянье воплотив и превзойдя вселенские все меры и даже всех богов, остался Индра бесконечно выше всех богов и недоступен им. Та сила непреклонная, что силой разума зовется, бескрайний космос материальный превзошла и мир великий жизни.

4. Подобен Индра вездесущий бездонному и всеобъемлющему океану, что мыслями повелевает всеми; от века он властитель мыслей, что во вселенские блаженные, пьянящие потоки проникают подобно быстрым рекам, извергающимся в космос из чрева мира разума и мысли.

5. О чистый Индра, чтоб ублажить тебя в желаниях твоих, мир разума и материальный космос в себе вино содержат счастья, как мать несет во чреве нерожденное дитя. О Бык могучий, священник, жертву совершая, ее приносит лишь тебе; и он поток блаженства направляет так, чтоб ты его вкушал; блаженству придает изысканность священник тебя лишь ради одного.

Мандала 9, Сукта 1

1. О Сома, пусть самым чистым и изысканно пьянящим поток твой будет; пусть чистотой своей достоин будет он, чтоб Индра сам его вкушал.

IV
Упанишады

Упанишады

Наша дхарма подобна гигантскому дереву с большим количеством могучих ветвей и мелких веточек. Корнями это дерево уходит в глубокое знание, а ветви его широко раскинулись в сфере действия. Так же как и дерево Ашваттха[66], упоминаемое в Бхагавадгите, которое росло корнями вверх, эта дхарма имеет в своей основе знание и побуждает человека к действию. Фундаментом этой дхармы является отсутствие привязанностей к чему бы то ни было, динамическая активность – ее крыша и стены, а освобождение – венчающий крышу шпиль. Вся жизнь человечества проходит под сенью этого огромного дерева-дома индуистской дхармы.

Считается, что Веда – это основа индуистской дхармы, но немногие знают, в чем заключается истина этой основы и каково ее реальное обличье. Как часто, забравшись на вершину дерева дхармы, мы впадаем в экстатическое состояние, отведав сочный и сладкий преходящий плод с какой-нибудь расположенной поблизости ветки, не пытаясь узнать при этом что-нибудь о корнях дерева. Мы все слышали, что Веда композиционно разделяется на две части, одна из которых посвящена действию, а вторая – знанию. Некоторые, возможно, читали комментарии к Ригведе, написанные Максом Мюллером или переводчиком Веды на бенгальский язык – Ромешом Даттом, но сами при этом плохо знакомы с текстами Ригведы. От Макса Мюллера и Ромеша Датта мы знаем, что Риши Ригведы поклонялись внешним объектам природы и различным существам; гимны и песнопения, обращенные к Солнцу и Луне, Ветру и Огню, заключали в себе основы знания древней, извечной индуистской дхармы, превосходящей обычное человеческое знание. Всецело полагаясь на истинность и правильность комментариев, умаляя тем самым знание древних Риши, изложенное в Веде, и знание индуистской дхармы, мы считаем себя высоко образованными и «просвещенными» людьми своего времени. Мы не даем себе труда узнать, что же на самом деле содержат в себе подлинные тексты Веды и почему мудрецы и великие души, такие как Шанкарачарья[67] и многие другие, усматривали заключенное в этих ведических гимнах и молитвах совершенное и непогрешимое знание.

Очень немногие знакомы даже с текстами Упанишад. Когда мы говорим об Упанишадах, то вспоминаем о монизме Шанкарачарьи и об ограниченном монизме Рамануджи[68], о дуализме Мадхвы[69] и других направлениях философской мысли. Но нам даже в голову не приходит заняться самостоятельным изучением оригинальных текстов Упанишад, чтобы

---

[66] *Ашваттха* – индийское священное дерево смоковница, символизирующее космическое проявление или структуру мироздания.

[67] *Шанкарачарья* (788 (?) – 812) – крупнейший индийский философ, с именем которого связывается разработка *адвайта-веданты*, одного из трех главных направлений веданты. *Адвайта* («недуализм» или «чистый монизм») утверждает, что кроме Абсолюта, Брахмана, единого безличного основания всего сущего, ничего более не существует. Основной доктриной его школы является Майявада, провозглашающая иллюзорность, нереальность проявленного мира.

[68] *Рамануджа* (1017–1137) – последователь веданты; с его именем связывается разработка *вишишта-адвайты*. Обычно название учения переводят как «ограниченная адвайта» или «ограниченный монизм». Главный оппонент теории абсолютного монизма Шанкарачарьи.

[69] *Мадхва* (1199–1278) – главный представитель *двайта-веданты*, т. е. «дуалистической веданты». Мадхва не приемлет понимание Брахмана как единственной реальности. В его учении мир извечно «порожден» Богом и зависим от него; индивидуальные души тоже подвластны Богу и называются его «отражениями».

попытаться открыть для себя их подлинный смысл или хотя бы просто для того, чтобы ответить на вопрос, каким образом на почве одного и того же литературно-философского памятника могли возникнуть шесть противоречащих друг другу философских направлений и что же действительно скрывается в этой сокровищнице знаний, выходящее за пределы известных философских школ. В течение целого тысячелетия мы целиком и полностью полагались на толкования Шанкары, которые в нашем представлении однозначно разъясняли и Веды, и Упанишады. Зачем было утруждать себя изучением оригинальных текстов Упанишад? Наше доверие авторитету Шанкары было настолько велико, что, даже если нам и попадались комментарии других авторов, которые шли вразрез с толкованием Шанкары, мы немедленно отвергали их как ложные и не соответствующие истинному духу Упанишад. При этом оригинальные тексты Упанишад скрывают в своих исполненных глубокого смысла шлоках[70], созданных арийскими Риши и великими Йогинами, не только знание, донесенное до нас Шанкарой, но и все духовное наследие прошлого, а также ту истину, которую еще предстоит раскрыть человечеству в настоящем и будущем.

Что же такое Упанишады? Это сокровищница глубочайшего вечного Знания, не имеющего ни начала, ни конца и лежащего в основе извечной дхармы. То же самое знание мы находим и в суктах четырех Вед, но там оно скрыто под покровом метафорических образов, придающих экзотерическое значение ведическим гимнам, наподобие того, как качества идеального человека передаются с помощью известного описательного образа. Упанишады раскрывают перед нами высшее Знание, обнажая реальную истину человеческого существа. Риши, поэты, сложившие Ригведу, воплощали духовное знание в словах и стихах, порожденных божественным вдохновением. Риши, авторы Упанишад, обладали непосредственным видением этого истинного высшего Знания, которое передавали в сжатой, лаконичной форме. Древние Риши, наделенные *непосредственным видением*, отразили в Упанишадах не только идеи монизма, но и все возникшие впоследствии в Европе и Азии философские направления мысли – рационализм, реализм, нигилизм, утилитаризм, гедонизм, дарвиновскую теорию эволюции, позитивизм Огюста Конта, философию Гегеля, Канта, Спинозы и Шопенгауэра. Но то, что в других философских школах получало лишь частичное и фрагментарное отражение, выступая, по существу, как искаженная картина действительности, сочетающая в себе элементы как лжи, так и истины, – хотя и провозглашалось всегда единственной и окончательной истиной, – в Упанишадах раскрывалось во всей своей полноте и ясности отточенной мысли.

Именно поэтому нам надо постараться самим открыть подлинный глубокий смысл, заключенный в Упанишадах, не оглядываясь ни на какие авторитетные мнения Шанкары или других комментаторов.

Слово «упанишада» означает вхождение в сокровенную область. Риши, сочинившие Упанишады, достигали знания не с помощью логического рассуждения и аргументации, и не в результате изучения поверхностных явлений, и не в порыве вдохновения, но как следствие йогической практики, позволяющей войти в тайную область разума, где хранится ключ от интегрального Знания. Риши проникали в эту скрытую сферу, завладевали этим ключом и становились владыками безграничных царств непогрешимого Знания. Не имея этого заветного ключа, нельзя открыть для себя смысл Упанишад. Любая попытка добраться до смысла, заключенного в Упанишадах, с помощью одного лишь логического мышления равнозначна исследованию непроходимой и мрачной лесной чащи с зажженной свечой в руке. Для этого необходимо обладать непосредственным видением, которое как солнечный луч озаряет лесной мрак и делает возможным продвижение в гуще зарослей. Такое непосредственное видение обретается лишь в результате йогической практики.

---

[70] Шлока – наиболее употребимый санскритский стихотворный размер; также строфы этого размера (*прим. ред.*).

Интегральная Йога в Упанишадах

Высшей целью человеческой жизни мы считаем Интегральную Йогу, реализацию божественной жизни на земле, в человеческом теле, основанную на постижении высшего «Я», универсального Духа, и, следовательно, – интегральную же, целостную космическую игру, Лилу Божественного, направляемую Его Силой. Утверждая это, мы не исходим из ментальных посылок, возникших на базе новейших достижений в области человеческой мысли, и не руководствуемся авторитетом древних писаний или философских школ, но полагаемся на более целостное, «интегральное» духовное знание, проистекающее из живого и непосредственного переживания Божественной Реальности на уровне души, жизни, разума, сердца и тела. Это древнее и поистине вечное знание вовсе не является каким-то новым открытием. Опыт переживания Божественной Реальности восходит к эпохе древних ведических Риши, провидцев верховной Истины, создавших Упанишады, в которых запечатлены высшие прозрения этих Поэтов, внимавших Истине. В современной мрачной и мелочно-суетливой жизни Индии периода Кали-юги[71] эти древние откровения приобретают новое звучание. Там, где люди довольствуются полуживотным существованием и где лишь очень немногие стремятся реализовать хотя бы свои истинно человеческие качества, не может быть никакой речи о новой эпохе божественных провидцев. Но когда-то на этих высоких идеалах наши арийские предки строили жизнь целого народа. В незапамятные времена, на заре появления этого светоносного Знания, восторженный мотив ведических гимнов, звучавший самозабвенной песней счастья, упоения пьянящим нектаром Сомы[72], восходил непосредственно к стопам Универсального Существа. Изначальная мантра индийской культуры заключалась в возвышенном стремлении воплотить лучезарный образ бессмертного Универсального Существа в душе и в жизни человека, достигая всеобъемлющего и совершенного выражения божества. Постепенное ослабление, искажение и забвение этой мантры послужило причиной упадка и несчастий, обрушившихся на эту страну и ее народ. Попытаться снова ступить на путь этой реализации и опять произнести забытую некогда мантру – вот единственное и безупречное средство национального возрождения и прогресса страны и народа, ибо эта мантра есть извечная истина, в которой и все человечество, и отдельная личность находят свое совершенное осуществление. В этом заключается глубокое значение многотрудных усилий человека, формирования отдельных народов и наций, зарождения и постепенного развития цивилизаций и культур. Все прочие цели и задачи, которые мы ставим перед собой в своей жизни, являются второстепенными и побочными, выполняющими роль вспомогательных средств в истинном Провидении богов. Все остальные частичные и фрагментарные реализации и достижения, вознаграждающие нас за наши усилия на жизненном пути, есть лишь вехи, знаменующие собой этапы победного восхождения к вершине. Истинная цель и истинная реализация – это раскрытие Брахмана и его самоманифестация, ощутимое, зримое проявление Силы Божественного, Лилы Его Знания и Ананды, причем не только в виде отдельных великих человеческих душ, но и во всем человечестве, в каждом отдельном представителе каждой нации и каждого народа.

Самое раннее выражение этого знания и этой садханы являет собой Ригведа, ее письмена, начертанные на заре человеческой истории над входом в храм арийской дхармы. Нельзя, впрочем, с уверенностью сказать, что это знание впервые нашло свое отражение в

---

[71] *Кали-юга* – последняя из четырех *юг* (эпох) индийской мифологии; темный период времени, период власти демона Кали, когда нарушается правильный миропорядок, в человечестве процветают беззаконие и пороки. На смену Кали-юге вновь приходит Сатья-юга – век Истины.

[72] *Сома* – божественный напиток бессмертия, медовый поток Ананды – восторга божественного бытия; также Божество этого напитка.

Ригведе, поскольку даже Риши, составившие Ригведу, признавали, что еще их предки, праотцы расы ариев и всего человечества, открыли этот путь истины и бессмертия, чтобы возвестить его всем последующим людским поколениям. Они также говорили, что Риши более поздних времен были лишь преемниками более древней духовной традиции. Мы слышим, как в мантре Ригведы эхом звучат голоса «праотцов», слагающих гимны во славу Божественного. Поэтому мы вправе утверждать, что дхарма Ригведы есть самая ранняя из известных нам форм этой дхармы. Знание, зафиксированное в Упанишадах, садхана[73] Веданты представляют собой лишь чрезвычайно утонченную и богатую обработку этой дхармы. Знание верховного Божественного и садхана достижения Божественной жизни, изложенные в Ведах, знание высшего «Я» и садхана реализации Брахмана, изложенные в Упанишадах, – и то и другое имеет в своей основе единую синтетическую дхарму. Различные аспекты космического Пуруши и космической Шакти, верховного Божественного, заключающего в себе всю совокупность истин Брахмана, переживания и поиска Всеобъемлющего Брахмана – вот что составляет ее сокровенный внутренний смысл. Вслед за этим наступила эпоха аналитических исследований. Каждая из классических школ индийской философской мысли, пурва-миманса[74], уттара-миманса[75], санкхья[76], йога[77], ньяя[78] и вайшешика[79], основывалась на рассмотрении одного отдельно взятого аспекта истины и разрабатывала пути ее достижения с помощью той или иной садханы. В результате различные философские направления дали начало монизму, дуализму и ограниченному монизму, а также послужили основой для возникновения Пуран[80] и Тантр[81], философских школ вишнуистского и шиваитского толка. Попытки синтетического осмысления и подхода также никогда не прекращались. Примером тому могут служить Бхагавадгита, Тантры и Пураны. Причем все они по-своему преуспели в достижении синтеза, открыв перспективы нового разнообразного опыта, но в то же время ни одна из них не достигает всеобъемлющей широты охвата, свойственной Ведам и Упанишадам. Складывается впечатление, что древнее духовное провозвестие Индии берет начало в столь возвышенном свете знания, лучезарном и всепроникающем, что более поздние эпохи доминирующего интеллектуального подхода оказались не в силах подняться до этого уровня, не говоря уже о том, чтобы превзойти его.

---

[73] *Садхана* – духовная практика или средство осуществления духовных целей.

[74] *Пурва-миманса* – ортодоксальная школа, исследовавшая и обосновавшая ритуал ведийской традиции. Не признавала ведийских богов как реальных существ, разделяя реалистические взгляды других философских школ. Жизненной целью считала достижение рождения на небесах посредством правильного исполнения ритуала.

[75] *Уттара-миманса* – одно из названий веданты; школа, исследующая священное наследие Упанишад.

[76] *Санкхья* – ортодоксальная школа, дающая теоретический фундамент йоги. Признает существование двух вечных начал – единой материи-природы и множества индивидуальных духов. Духовной целью считала осознание духа-свидетеля отличным от материальных и психических процессов.

[77] *Йога* – ортодоксальная школа, называемая также «восьмизвенной йогой», основателем которой считается Патанджали. Она утверждает восемь стадий, необходимых для прекращения всех психических процессов и достижения вечного освобождения от деятельности природы. В эти восемь стадий входит: соблюдение нравственных и духовных принципов, йогические позы (*асаны*), управление дыханием (*пранаяма*), концентрация внимания (*дхьяна*), сосредоточение (*самадхи*).

[78] *Ньяя* – ортодоксальная школа, интересующаяся главным образом методологией мышления и познания. Впоследствии методология развилась в логику, а полемика с буддистами привела к принятию крайнего реализма. Своей целью считала устранение ложного знания и, посредством этого, достижение избавления от уз перерождений в мире.

[79] *Вайшешика* – ортодоксальная школа, близко связанная с ньяей. Занималась в основном вопросами мышления и логики. Она детально разработала атомистическую теорию материи, и ее абсолютно не интересовали йогические методы и способности.

[80] *Пурана* – древнее предание; класс священных текстов индуизма мифологического, космологического, историко-генеалогического содержания. По времени создания более поздние, чем эпические поэмы. Пураны считаются ведами низших каст, их могут слушать также и женщины. Из большого количества Пуран восемнадцать признаны главными.

[81] *Тантра* – один из типов текстов; тантры лежат в основе шиваитской или шактистской традиции индуизма. Содержание текстов многообразно – ритуалы, техники йоги, теологические рассуждения и пр.

Иша Упанишада

1

Главное препятствие, стоящее на пути правильного понимания недвусмысленного значения Иша Упанишады, ее внутренней истины, повествующей о Брахмане, высшем «Я», Божественном, заключается в Майяваде, иллюзионистском подходе, который проповедовал Шанкарачарья, написавший комментарий к этой Упанишаде. Однозначная устремленность к уходу от проявленного мира, свойственная иллюзионизму, и усиленное восхваление жизненной позиции недеяния и бездействия саньясинов нисколько не соответствуют смыслу Иша Упанишады. Если в шлоках этой Упанишады усматривать значение, противоположное их истинному смыслу, то невозможно избежать тенет иллюзионизма. Как можно обосновать теорию иллюзионизма, Майявады, и уход от мира с помощью текстов Упанишады, в которой сказано: «Поистине, совершая деяния в этом мире, человек должен желать прожить сто лет» или: «Действие не пятнает совершившего его человека», где мы находим прямое и смелое утверждение: «Удел тех, кто пребывает в Неведении, – непроглядный мрак, но тем, кто посвящает себя одному лишь Знанию, уготован еще более жуткий мрак и темнота» или: «Рождение в этом мире приобщает человека к Бессмертию»? Высоко эрудированный авторитет, который, возможно, выступал основным поборником монизма в южной Индии после Шанкары, исключил Иша Упанишаду из списка двенадцати канонических Упанишад и заменил ее Нрисимхатапини Упанишадой. Шанкарачарья в свое время не решился менять установленных канонов. Иша Упанишада относилась к разряду текстов-*шрути*[82] (откровений), посвященных вопросам иллюзионистского подхода, поэтому, полагал Шанкара, смысл, вложенный в шрути, не мог противоречить теории истинного иллюзионизма.

Если слово *jagat* означало «земля» (в шлоке: *īśa vāsyamidam sarvam yat kiñca jagatyām jagat*), то вся фраза в целом приобретала значение: «все на земле, что движется в движении», то есть все люди, животные, насекомые, птицы, воздушные потоки, реки и пр. Такое прочтение лишено всякого смысла. В языке Упанишад словом *sarvamidam* обозначаются все видимые объекты вселенной, но не земли. Поэтому под словом *jagati* мы должны подразумевать пребывающую в движении Шакти[83], проявленную в виде вселенной, под словом *jagat* – всякое движение, являющееся частью движения Пракрити, будь то в виде живых существ или материальных объектов. В этом контексте противопоставляется Ишвара, с одной стороны, и все сущее во вселенной – с другой. В отличие от неподвижного Ишвары Пракрити, или Шакти, постоянно пребывает в движении, выполняя свою вселенскую работу. Все, что находится во вселенной, также представляет собой движущуюся мини-вселенную, которая в каждое мгновение своего существования является ареной столкновения трех взаимоисключающих бесконечных и непреходящих процессов: созидания, сохранения и разрушения. Это извечное противоречие теряет свою очевидность, если мы будем рассматривать, с одной стороны, Ишвару, а с другой – землю и все, что на ней движется. Иша Упанишада начинается с констатации этого очевидного для всех извечного противоречия, которое сводится к

[82] *Шрути* – общее название текстов ведийской традиции как полученных через «слышание» или божественное откровение. К текстам *шрути* относятся Самхиты, Брахманы, Араньяки, Упанишады. Традиционно противополагаются *смрити* (букв. «память») – текстам священного предания.

[83] *Шакти* – божественная Сила или Энергия в виде женской манифестации божества. Обычно противопоставляется Ишваре – Владыке Вселенной как активное начало, движущее мирозданием. Главным образом относится к шиваитской мифологии.

тому, что на одном полюсе находится неизменяемый Ишвара, а на другом – динамическая Пракрити и все созданные ею во вселенной эфемерные объекты.

Вся Упанишада строится на этом противоречии и его разрешении. Автор текста Иша Упанишады, рассматривая природу Ишвары и проявленной вселенной, трижды подходит к решению этой проблемы с различных точек зрения. Первый раз, когда он говорит о Брахмане, он демонстрирует противоречие Пуруши и Пракрити и тут же всего в нескольких словах (*anejad* – «недвижимое» и *manaso javīya#... tad ejati tannaijati* – «То, что быстрее Разума, То, что не достигают боги, ибо Оно всегда остается впереди. Оно, не двигаясь, оставляет позади всех бегущих. В нем Господин Жизни установил Воды. Оно движется и Оно не движется») объясняет, что и Пуруша, и Пракрити есть Брахман: Пуруша есть Брахман; Пракрити и вселенная, являющаяся ее внешней формой, также есть Брахман. Далее, говоря об Атмане, автор снова разрешает противоречие между Ишварой и проявленной вселенной. Атман есть Ишвара, Пуруша…

При большом желании в тексте Иша Упанишады можно, конечно, усмотреть определенный скрытый смысл и прийти к выводам, подтверждающим правильность теории иллюзионизма, что и сделал в свое время Шанкарачарья, написавший комментарий к этой Упанишаде.

Давайте сравним комментарий Шанкарачарьи с тем смыслом, который действительно вытекает из текста Иша Упанишады. В самом начале Упанишады ее автор рассматривает истину Ишвары и Истину проявленной вселенной и выявляет их основополагающее соотношение.

«*Īśa vāsyamidam sarvam yat kiñca jagatyām jagat*», «Все это есть обиталище для Господа, все, что являет собой индивидуальную вселенную в движении, или *jagat* в *jagati*» – недвижный вездесущий владыка Пуруша и Пракрити, пребывающая в движении, – Ишвара и Шакти. Поскольку Ишвара есть эпитет Неизменяемого, следует понимать, что истинные отношения между Пурушей и Пракрити сводятся к следующему: *jagat* подчиняется Ишваре, находится под Его полным контролем и выполняет всю работу согласно Его воле. Пуруша – не только свидетель, санкционирующий все происходящее, Пуруша есть и Ишвара, обладающий знанием и направляющий всякое действие. Пракрити не контролирует действие, но является вершителем судеб в проявленном мире; Пракрити есть покорная активная Шакти Пуруши, владычица, зависимая от своего господина.

Затем мы видим, что *jagati* это не просто Шакти в движении и не один лишь принцип, порождающий проявленную вселенную; это еще и Шакти как сама эта вселенная. Самое распространенное значение слова *jagati* – «земля», но в данном контексте это значение неприемлемо. Используя словосочетание *jagatyām jagat*, автор Иша Упанишады дает понять, что не следует игнорировать корневого значения этих слов, которое он старается таким образом подчеркнуть.

2

Иша Упанишада является для нас образцом интегральной духовной реализации, прекрасно иллюстрируя основные принципы Интегральной Йоги. В этом небольшом по объему произведении находят свое разрешение многие сложные проблемы. Иша Упанишада представляет собой шрути, священное Писание, наделенное неизмеримо глубоким и тонким смыслом. Эта Упанишада содержит в своих восемнадцати коротких шлоках-мантрах многие из основополагающих истин нашего мира. Только здесь мы находим такое бесконечное богатство содержания, выраженное в столь лаконичной форме.

Синтез знания, синтез дхармы, гармоничное примирение противоположностей составляют душу этого Писания. В западной философии есть закон, носящий название «закон

противоречия», согласно которому противоположности взаимно исключают друг друга. Два противоречивых положения не могут существовать одновременно и интегрироваться в одно целое; два противоположных качества не могут уживаться одновременно в пределах одного объекта. В соответствии с этим законом, противоречия являются непримиримыми в принципе и не способны образовывать гармоничное единое целое. В таком случае, если Божественное едино, то, каким бы могуществом Оно ни обладало, Оно не может быть множественным. Бесконечное не может быть конечным. То, что не имеет формы, не может принять никакую форму, в противном случае оно перестает быть бесформенным. Подобная логика исключает возможность того, что Брахман в одно и то же время и обладает качествами, и лишен их: именно так сказано в Иша Упанишаде о Боге, который есть *ниргуно гуни*, то есть наделен определенными свойствами и одновременно лишен их. Если Брахман действительно един, бесконечен и лишен формы, то он не может обладать при этом никакими качествами, формами, быть конечным и проявляться во множественном состоянии: *brahma satyam jaganmithyā*, «Брахман есть единственная реальность, а проявленный мир – иллюзия» – таков неизбежный и губительный приговор этой философской концепции. Мы видим, что древний провидец-Риши, создатель Иша Упанишады, на каждом шагу опровергает этот закон логики и каждой шлокой доказывает его несостоятельность; в самом сердце взаимоисключающих противоречий он обнаруживает скрытую гармонию, ведущую к примирению противоположностей. Единство движущейся вселенной и недвижного Пуруши, наслаждение всем через отречение от всего, абсолютное освобождение путем полноценного, активного действия, неизменная стабильность Брахмана в движении, безграничное и непостижимое движение при полной вечной недвижности, единство Брахмана, лишенного качеств и свойств, с Господом вселенной, наделенным качествами и свойствами, недостаточность одного лишь Знания или одного лишь Неведения для достижения Бессмертия, Бессмертие, обретаемое путем одновременного служения и Знанию, и Неведению, высшее освобождение и реализация, достигаемые не в результате постоянных перерождений или выхода за пределы цикла рождения и смерти, но путем обретения состояния одновременного Рождения и Нерождения, – вот те великие возвышенные принципы, которые смело и уверенно провозглашает Иша Упанишада.

К сожалению, смысл этой Упанишады зачастую оставался непонятым и неправильно истолковывался. Комментарии Шанкары к Иша Упанишаде обычно признаются наиболее авторитетными, но если принять во внимание вышеизложенные доводы, то Майявада, иллюзионизм Шанкары, тонет, лишенный всякой основы, в этом бездонном океане. Создатель Майявады выделяется в ряду других философов своим исключительным, несравненным могуществом. Подобно тому, как изнывающий от жажды Баларама[84] при помощи плуга заставил течь к своим стопам воды реки Ямуны, не желавшей менять направления проложенного русла, так же и Шанкара, найдя, что Иша Упанишада опровергает его Майяваду как таковую и препятствует его целям, силой направил в новое русло воды этой Упанишады и привел ее смысл в соответствие со своими взглядами. Достаточно будет одного-двух примеров, чтобы проиллюстрировать, до какой степени искажался смысл Упанишады в результате такого подхода.

В тексте Упанишады сказано: «Непроглядный мрак – удел тех, кто пребывает в Неведении, но те, что посвящают себя одному лишь Знанию, словно бы погружаются в еще больший мрак». Шанкара комментирует: «Я не склонен в данном случае рассматривать термины *видья* (знание) и *авидья* (неведение) в их обычном значении. *Видья* обозначает здесь *дэва-*

[84] *Баларама* – в эпосе и Пуранах – старший брат Кришны. Он совершает вместе с Кришной много великих деяний, расправляясь с демонами. Иногда считается неполным аватаром (земным воплощением) Вишну. Здесь упоминается миф, в котором он подчиняет себе Ямуну (реку, сливающуюся с Гангом), изменяя ее русло.

видья, «умение снискать милость богов». В Упанишаде говорится: «*vināśena m#tyum tīrtvā sambhūtyām#tamaśnute*», «посредством разложения выходит за пределы смерти, посредством Рождения наслаждается Бессмертием». Шанкара утверждает, что следует читать *asambhūtyām#tam*, то есть «посредством Нерождения наслаждается Бессмертием», а *vināśa* (разложение, распад) обозначает здесь «рождение». Точно таким же образом один из комментаторов, принадлежащих к дуалистическому направлению философской мысли, замечает, что *тат твам аси*, «Ты есть То» следует читать как *атат твам аси*, «Ты есть отличное от Него». А один известный проповедник Майявады, живший после Шанкары, прибег к следующему приему: он убрал Иша Упанишаду из списка основных канонических Упанишад и заменил ее Нрисимхатапини Упанишадой. На самом деле нет никакой нужды навязывать всем свое мнение таким примитивным силовым образом. Иша Упанишада иллюстрирует бесконечные аспекты бесконечного Брахмана, но поскольку она не придерживается какой-то конкретной философской точки зрения, то на ее почве возникают самые разнообразные философские подходы и толкования. Каждое из направлений философской мысли рассматривает лишь один определенный аспект бесконечной истины, приводя его в систему на интеллектуальном уровне. Бесконечный Брахман проявляется в бесконечном многообразии форм; пути, ведущие к Брахману, также неисчислимы.

V
Пураны

Пураны

В предыдущей статье я останавливался на вопросах, связанных с выявлением истинного смысла Упанишад. Подобно Упанишадам, Пураны являются каноническими писаниями индуистской дхармы. *Смрити* (сохраненное в памяти божественное слово), так же как и *шрути* (воспринятое на слух слово), относятся к писаниям, пользующимся высоким авторитетом, правда, несколько на ином уровне. В случае если возникает какое-то противоречие между шрути, непосредственным свидетельством, с одной стороны, и смрити – с другой, то высшим авторитетом признается шрути. Шрути – это откровения достигших совершенства в Йоге и наделенных духовным видением Риши, которые восприняли своим просветленным разумом Слово, изреченное Господом Вселенной. Древнее знание и мудрость, передаваемые из поколения в поколение, известны как смрити, которые в процессе передачи от одной эпохи другой могут быть подвержены изменениям и даже искажениям в силу языковых и интеллектуальных различий, а также в результате меняющихся условий жизни. Смрити могут приобретать иное обличье и форму под воздействием новых идей, навеянных временем. Поэтому смрити не обладают столь непререкаемым авторитетом, как шрути. Смрити не являются сверхчеловеческим творением, но представляют собой произведения, порожденные человеческим интеллектом и ограниченными, переменчивыми мыслями и идеями.

Самыми важными и авторитетными смрити считаются Пураны. Духовное знание, заключенное в Упанишадах, облекается в Пуранах в форму художественного, метафорического повествования. В Пуранах содержится много полезной информации по истории Индии, о постепенном расширении и формах выражения индуистской дхармы, о социальном устройстве общества в древности, об обычаях и религиозных церемониях, методах йогической дисциплины и образе мышления людей тех далеких эпох. Кроме того, авторами Пуран были либо достигшие совершенства йогины, либо искатели Истины. Достигнутые ими духовные вершины и Знание нашли свое отражение в Пуранах. И если Веды и Упанишады представляют собой фундаментальные, основополагающие писания индуистской религии, то Пураны являются своего рода комментариями к этим писаниям. Комментарий же никогда нельзя сравнивать с изначальным произведением. Мой комментарий может отличаться от вашего, но никто из нас не имеет права менять или игнорировать смысл первоначального, оригинального текста. То, что по своему духу и смыслу противоречит Ведам и Упанишадам, не может рассматриваться как выражение индуистской дхармы. А всякая новая идея, соответствующая духу Вед и Упанишад, хотя и отличная от Пуран, будет рассматриваться как продолжение индуистской дхармы. Ценность комментария определяется интеллектуальными способностями, знанием и эрудицией его автора. К примеру, если бы сохранилась Пурана, написанная Вьясой[85], то она бы почиталась как шрути. За исключением этой Пураны и той, что была написана Ломахаршаной[86], далеко не все из восемнадцати сохранившихся Пуран могут удостоиться такой чести. Вишну-пурана и Бхагавата-пурана, написанные известными йогинами, несомненно, обладают большой ценностью; также сле-

[85] *Вьяса* – легендарный мудрец. Считается, что он разделил единую Веду на части, создав тем самым ведийский канон. Согласно древней традиции, является автором Махабхараты – древнеиндийского эпоса.

[86] *Ломахаршана* – персонаж Махабхараты; согласно традиции, он был певцом, впервые пропевшим Пураны.

дует признать, что Маркандея-пурана, написанная мудрецом и духовным подвижником, по глубине заключенного в ней Знания превосходит Шива– или Агни-пурану.

Непременно должна была существовать Пурана, написанная Вьясой, которая положила начало всем последующим Пуранам. Даже в самых слабых Пуранах содержится много информации, раскрывающей основополагающие принципы индуистской дхармы, и поскольку авторство всех Пуран без исключения принадлежало преданным искателям Истины, следовавшим по пути Йоги, то мысли и знания каждого из них, добытые путем личных усилий, заслуживают всяческого уважения. Разграничения, которые проводят английские ученые между Ведами, Упанишадами и Пуранами, разделяя дхарму Вед и дхарму Пуран, ошибочны и порождены невежеством. Пураны признаны авторитетным писанием индуистской дхармы, ибо комментируют и объясняют то, что изложено в Ведах и Упанишадах, для человека среднего уровня, обсуждая сложные проблемы применительно к ситуациям повседневной жизни. Ошибаются также и те, кто, пренебрегая Ведами и Упанишадами, рассматривают Пураны как самостоятельное и ни с чем не связанное явление. Тем самым они упускают из виду подлинный непогрешимый и сверхъестественный источник Знания, ступая на ложный путь, в результате чего недооценивается роль и значение Вед, равно как и утрачивается истинный смысл Пуран. Веды всегда должны служить основой для подлинного понимания Пуран.

VI
Бхагавадгита

Дхарма Гиты

У тех, кто внимательно читал Бхагавадгиту[87], может возникнуть вопрос, почему, говоря о «Йоге» и о внутреннем состоянии йоги, единения, Шри Кришна тем не менее наделяет это слово совершенно отличным от общепринятого смыслом. Неоднократно в тексте Шри Кришна превозносит аскетизм и отмечает, что можно достичь высшего освобождения путем поклонения Безличному Божественному. Но в то же время, подводя итог, Он всего в нескольких словах – что является самой блестящей частью Гиты – объясняет Арджуне волшебную силу внутренней отрешенности и пути достижения высшего состояния с помощью веры и предания себя в руки Васудэвы[88]. В шестой главе дается краткое описание Раджа-йоги, но Гиту вряд ли можно рассматривать как трактат по Раджа-йоге. Уравновешенность, непривязанность, отрешенность от плодов своих трудов и дел, полная самоотдача Кришне, не мотивированные желанием работа и служение, свобода от трех основных качеств, гун[89], Природы и следование своему собственному закону действий – вот основополагающие истины, изложенные в Гите. Господь прославляет эти заповеди как высочайшее знание и сокровеннейшее таинство.

Мы верим, что Гита станет общепринятым Писанием религии будущего. Но подлинное значение Гиты не всеми понимается правильно. Даже большие ученые и просвещенные писатели, обладающие острым умом, не в состоянии зачастую уловить глубокий смысл, заключенный в Гите. С одной стороны, комментаторы, склонные видеть в Гите ключ к освобождению, восхваляют величие монизма и аскетизма, нашедших свое отражение в Гите. С другой стороны, Банкимчандра[90], хорошо знакомый с западной философией, видит в Гите наставление и руководство по героическому исполнению человеком своего долга и стремится привить молодежи именно такое понимание Гиты. Аскетизм, без сомнения, является высшей дхармой, но очень немногие люди способны на аскетические подвиги. Для того чтобы религия получила широкое распространение и признание, она должна выдвигать в качестве своего идеала и заповедей такие, которые каждый человек смог бы реализовать в своей конкретной жизни и сфере деятельности и которые в то же время при серьезном к ним отношении могли бы привести его к высшей цели, доступной лишь редким избранным. Героическое исполнение своего долга является, конечно, высшей дхармой, но что такое долг? Религия и этика совершенно по-разному понимают и толкуют эту проблему. Господь сказал: *gahana karma#o gati#*, «тяжел и извилист путь трудов». «Даже мудрецы затрудняются сказать, что есть долг, что есть работа и действие и что есть ложное действие, но я дам тебе

---

[87] *Бхагавадгита* или *Гита* – букв. «Песнь Господа», включается в шестую книгу священной древнеиндийской эпической поэмы – Махабхарата. Она звучит перед самым началом великой битвы на Курукшетре из уст Кришны и адресована Арджуне, одному из братьев Пандавов, которые ведут борьбу с двоюродными братьями Кауравами, хитростью отнявшими у них царство. Кришна в Махабхарате – это герой-воин, родственник Пандавов, колесничий и советник Арджуны. Лишь в Бхагавадгите он открывает себя как Божество, земное воплощение высшего Бога – Вишну.

[88] *Васудэва* – вездесущее Божество; имя Кришны.

[89] Три основныхкачества, или *гуны,* Природы: *саттва* – покой, ясность, прозрачность; *раджас* – энергия, пыл, движение; *тамас* – инертность, косность, тупость.

[90] *Банкимчандра* (1838–1894) – знаменитый бенгальский писатель, поэт, журналист, критик, основатель и редактор известного в Бенгалии журнала «Бангладаршан». Его статьи оказали огромное влияние на формирование современного бенгальского языка.

такое знание, с помощью которого ты с легкостью отыщешь для себя верный путь», другими словами, знание, объясняющее цель человеческой жизни и закон, которому надлежит следовать. Что же это за Знание? Где можно обрести это сокровенное слово? Мы убеждены, что это редкое и бесценное сокровище можно найти в последней главе Гиты, где Господь обещает Арджуне раскрыть Свою сокровеннейшую тайну и высочайшее Слово.

Что же это за сокровеннейшая тайна и высочайшее Слово?

Manmanā bhava madbhakto madyājī mā# namaskuru
Māmevai#yasi satyam te pratijāne priyo'si me
Sarvadharmān parityajya māmeka# śara#a# vraja
Aha# tvā# sarvapāpebhyo mok#ayi#yāmi mā śuca#

(Ты обо Мне лишь размышляй, люби Меня и поклоняйся Мне, и жертвуй Мне, и предо Мной склоняйся – ко Мне ты так придешь, тебе Я обещаю, ибо ты Мне дорог. Оставь все дхармы и во Мне одном ищи прибежище свое. Тебя избавлю Я от всех грехов и зла, не унывай и не печалься).

Говоря вкратце, смысл этих двух шлок сводится к самоотдаче. В той мере, в какой вы сможете достичь самоотдачи Кришне, Божественная Сила низойдет в ваше тело по милости Всеблагого, освободив вас от греха и приобщив к божественной природе. Об этой самоотдаче говорится в первой половине шлоки. Необходимо стать *манмана, мадбхакта, мадйаджи. Манмана* означает видеть Его во всяком существе, помнить о Нем во всякое время, всегда пребывать в совершенном счастье, сознавая проявление Его энергии, знания и любви во всем сущем, во всех событиях, обстоятельствах и действиях. *Мадбхакта* означает единение с Ним, основанное на абсолютной вере и любви. *Мадйаджи* означает принесение всех своих действий, больших и малых, в жертву Кришне и осуществление с этой целью должным образом организованной деятельности, свободной от всякого эгоистического интереса и желания плодов своего труда.

Человеку трудно достичь полной самоотдачи, но даже если вы делаете хотя бы небольшое усилие в этом направлении, сам Бог дает вам свои заверения, становится вашим учителем, защитником и другом и ведет вас по пути Йоги. *Svalpamapyasya dharmasya trāyate mahato bhayāt*. Даже малая доля этой дхармы избавляет человека от великого страха. Господь говорит, что легко и радостно следовать этой дхарме. И это действительно так. Результатом полного самопожертвования Божественному является обретение невыразимой радости, чистоты и силы. *Māmevai#yasi* (ко Мне ты так придешь) означает, что человек найдет Меня, будет жить со Мной, обретет Мою природу. В этих словах говорится о реализации *садришья*, Божественной природы, *салокья*, жизни с Богом, и *саюджья*, отождествления себя с Богом.

Тот, кто свободен от уз трех гун Природы, поистине обретает природу Бога, *садришья*. У такого человека нет никакой привязанности к действию и все же он продолжает действовать; освобожденный от всех грехов, он становится орудием в руках Махашакти и наслаждается каждым действием этой Силы. Жизнь с Богом, *салокья*, достигается не только после ухода из тела, в Брахмалоке, обители Брахмана, но в самом этом теле. Когда воплощенное существо играет с Господом в своем сердце, когда его разум трепещет от ниспосланного Им знания, в ушах, не умолкая, звучит слово Господа, а мысли преисполнены Его волей, это означает жить с Господом, пребывая в человеческом теле. Отождествления с Господом, *саюджья*, также можно достичь, находясь в этом теле. Гита говорит о «жизни в Господе». Когда реализация Божественного во всех существах приобретает постоянный характер, когда все чувства – зрение, слух, обоняние, вкус и осязание – воспринимают только Его одного, когда человек привыкает жить в Боге, ощущая себя Его частью, тогда становится

возможным отождествление с Божественным даже в этом теле. Но такой реализации можно достичь только в результате особой аскезы (дисциплины).

Однако даже малая толика этой дхармы дает огромную силу, подлинную радость, совершенное счастье и чистоту. Эта дхарма вовсе не предназначена лишь для избранных людей, наделенных особыми природными качествами. Господь сказал, что брамин и кшатрий, вайшья и шудра[91], мужчина и женщина и все существа низшего рождения могут прийти к Нему, выполняя эту дхарму. Даже самый падший грешник, обретя прибежище в Нем, быстро достигает очищения. Поэтому все должны следовать этой дхарме. В храме Джаганнатха[92] нет разделения людей на касты. И тем не менее, высшая слава, обретаемая с помощью этой дхармы, ни в коей мере не уступает высшему состоянию, о котором говорится в других религиях.

[91] Перечисляются четыре индийские *варны* – сословия или социальные общности: брахман (брамин) – жрец и ученый; кшатрий – правитель и воин; вайшья – торговец, земледелец и ремесленник; шудра – слуга. Три первые *варны* считались высшими; их представители могли изучать Веды, проходить специальное ученичество и обряды, чтобы стать «дважды-рожденными».

[92] *Джаганнатх* – букв. «Владыка мира». Воплощение Кришны; божество, особо почитаемое в штате Орисса. Его храм в г. Пури – знаменитый центр паломничества.

Аскетизм и отрешенность

В предыдущей главе говорилось о том, что каждый может выполнять дисциплину (Дхарму) Гиты, которая доступна абсолютно всем. Однако высшие ступени этой дисциплины столь же трудно достижимы, как и любой другой. Дисциплина Гиты – это путь действий, не мотивированных желаниями. Возрождение арийской Дхармы в Индии привело к широкому, повсеместному распространению аскетизма. Человек, стремящийся к достижению высот Раджа-йоги, не может довольствоваться жизнью или работой и занятиями обычного домовладельца и семьянина. Практика Раджа-йоги требует от него неимоверных усилий, направленных на концентрацию сознания и овладение техникой медитации. Малейший внешний раздражитель на ментальном уровне может нарушить медитацию и вывести из состояния сосредоточения. В повседневной жизни с подобными трудностями приходится сталкиваться постоянно. Поэтому те, кто от рождения чувствует склонность к йоге, унаследованную от прежних жизней, совершенно естественным образом склонны вести аскетический образ жизни. Когда число таких душ с врожденной тягой к йогической дисциплине возрастает в любом обществе, распространяя среди молодого поколения склонность к аскетизму, то перед страной и ее народом открываются благие перспективы, но только в определенном смысле, ибо аскетизм имеет свои отрицательные стороны. Говорят, что аскетизм очень хорош, но лишь очень немногие способны на аскетические подвиги. Плохо подготовленный к аскетической жизни человек, устремляющийся по пути аскезы, через какое-то время останавливается на полпути, достигая своего рода удовлетворенности, обусловленной инерцией и летаргией. В таком состоянии можно прожить земную жизнь без особых хлопот, но при этом человек-аскет не приносит никакого блага окружающему миру, да и сам себе крайне затрудняет путь к высшим сферам мироздания. Современная жизнь и условия, в которых мы живем, требуют от нас проявления качеств, связанных с динамической энергией (раджас) и просветленным состоянием покоя (саттва) или, другими словами, активности и знания. При этом следует отбросить все, что связано с инерцией, и посвятить себя служению на благо отчизны и всего мира, чтобы укрепить и омолодить моральные и духовные силы своей земли. Это наш первый долг в современных условиях жизни. Мы должны возродить исполненный знания, силы и всеобъемлющей универсальности народ ариев[93] из чрева слабой и утомленной нации, подавленной грузом инерции и эгоистическими привязанностями. Именно поэтому так много душ, полных энергии и йогической силы, рождаются в Бенгалии. Если бы эти люди, соблазненные чарами аскезы, забыли истинный закон своего бытия и ту миссию, которая возложена на них Господом, то это привело бы к гибели всю нацию вследствие упадка ее истинной Дхармы. Похоже, что молодое поколение считает этап уче-

[93] Оригинальное значение санскритского слова «*арья*» (арий или ариец) не имеет ничего общего с тем расистским толкованием, которым подменили его изначальный смысл фашисты (см. прим. 4 на с. 399). Шри Ауробиндо, обладавший обширными лингвистическими познаниями, определял это понятие следующим образом: «Арий, кем бы он ни был, есть тот, кто возделывает ниву, вверенную ему Высочайшим Духом, свою землю изобилия, как внутреннего, так и внешнего… Арий – это тот, кто неуклонно преодолевает все препятствия, внутренние и внешние, которые противостоят продвижению человека вперед. … Цель этого самопреодоления – всестороннее совершенство. Поэтому, побеждая, он не разрушает; его победы несут созидание, а не уничтожение. Все, над чем он восторжествовал, обретает в результате этой победы большее благородство и завершенность. Он знает, что тело, ум и жизнь даны ему для чего-то более высокого, чем то, что они являют собой ныне; поэтому необходимо их превзойти, преодолеть их ограничения и отвергнуть ничтожные удовольствия, поиском которых они почти всецело поглощены… Арий – это труженик и воин. Он не щадит самого себя, действуя умом и телом, когда он ищет Наивысшее или служит Ему. Он не избегает трудностей, он не знает усталости. Он всегда сражается ради воцарения духа в нем самом и в мире» (Арья, т. I, № 2, с. 63).В другом месте он пишет: «Я предпочитаю не пользоваться термином “раса”, ибо понятие это куда более расплывчато и трудно определимо, чем обыкновенно думают. Четкие различия, укорененные в массовом сознании, совершенно неуместны при его использовании» (Тайна Вед, с. 35). Поэтому, встречая замечания Шри Ауробиндо об «ариях» и «не-ариях», следует учитывать, какое именно значение он вкладывал в эти понятия (*прим. ред.*).

ничества (*брахмачарья*) временем, отведенным для получения образования и воспитания характера. Период ученичества сменяется этапом домохозяина. И когда человек создаст и взрастит семью ради будущего блага народа ариев и оплатит таким образом свои долги перед предками, когда он воздаст дань обществу, обретя богатство и употребив его на благо людям или принеся иную пользу своему народу, когда он покроет свой долг перед всем миром, распространяя в нем знание, добро, любовь и силу, и, наконец, когда он сослужит вселенской Матери службу своим бескорыстным, самозабвенным трудом на благо Матери Индии, то тогда он может с полным правом удалиться от этого мира в лес (*ванапрастха*), чтобы предаться там аскетическим подвигам[94]. В противном случае возникает смешение социальных ценностей, что ведет к возобладанию ложного закона. Я не имею здесь в виду молодых аскетов, которые в предыдущих своих жизнях уже были освобождены от каких бы то ни было обязательств. Я хочу лишь сказать, что тому, кто не готов к аскезе, не следует ступать на этот путь. Великое и благородное учение буддизма без сомнения принесло неизмеримое благо всей Индии, но в то же время нанесло ей и огромный ущерб в силу распространившейся повсеместно практики аскетизма и отказа многих членов *варны* воинов (кшатриев) от выполнения своих прямых функций и обязанностей. И в конечном счете буддизм был вытеснен из страны. В грядущей эпохе новый закон не должен допустить этой ошибки.

В Бхагавадгите Шри Кришна снова и снова предостерегает Арджуну от увлечения аскетической практикой. Почему? Хотя Шри Кришнаи признает *саньясу*[95] в качестве добродетели, но на все неоднократные вопросы Арджуны, который в тот момент преисполнился духа аскетизма, отречения от мира и альтруизма, он дает однозначные ответы в пользу активного действия. Арджуна спрашивает: «Коль выше кармы мудрость беспристрастная, рожденная из Йоги, то почему меня к ужасному ты делу побуждаешь убийства всех сородичей моих?» Многие повторяли этот вопрос Арджуны, и находились даже такие, которые называли Шри Кришну худшим из Учителей, указывающим неверный путь. В ответ на это Шри Кришна объяснял, что отрешенность превосходит аскетизм и что помнить о Боге, беспристрастно выполняя назначенную тебе миссию, гораздо сложнее и выше, чем делать то, что тебе заблагорассудится. Отрешенность означает отречение от желания, от эгоизма. А чтобы достичь этой отрешенности, вовсе нет необходимости уходить в уединение. Овладеть искусством отрешенности можно лишь на поприще активной деятельности; действие есть средство достижения высот в йоге. Наш проявленный мир с его бесконечной игрой многообразия был создан, чтобы доставлять наслаждение населяющим его существам. И Господь вовсе не собирается прерывать эту игру блаженства. Он хочет наполнить мир блаженством, хочет, чтобы все живые существа стали Его товарищами по играм и забавам. Мы пребываем во мраке неведения; происходит это потому, что, следуя замыслу своей игры, Господь спрятался от нас, окружив себя тьмою. Но в то же время Он предусмотрел для нас множество путей, следуя которыми мы можем выбраться из мрака и присоединиться к Нему. Если вы не желаете играть и хотите покоя, Господь исполнит ваше желание. Но если вы следуете Его путем ради Него самого, то Господь избирает вас как Своего товарища по играм в этом мире или в каком-либо другом. Арджуна был самым преданным и дорогим другом Кришны, поэтому Кришна преподал Арджуне высшее сокровенное учение Гиты. В чем заключается это сокровенное знание, я пытался объяснить в предыдущей главе. Господь сказал Арджуне: «Коль перестанешь ты действовать, зло принесешь в этот мир, от действия дух аскетизма людей отвращает. Но без отрешенности смысла лишен аскетизм. Плоды отрешенности те же, что и плоды аскетизма: сила, блаженство, свобода от мрака неведенья и беспристрастность, а

---

[94] Здесь говорится о четырех традиционных периодах жизни: ученик – *брахмачарин*; домохозяин – *грихастха*; отшельник – *ванапрастха*; странствующий аскет – *саньясин*. Соблюдение порядка трех первых периодов жизни считалось обязательным. Следование этой доктрине было священным долгом для представителей трех высших *варн*.

[95] *Саньяса* – духовное подвижничество (*прим. ред.*).

также единство с Шри Кришной. Что бы ни делал тот, пред кем преклоняются все, люди деянья его за идеал принимают. Поэтому, если предашься ты аскетизму, деянья отвергнув, вслед за тобой устремятся все люди; ложный закон утвердится в народе тогда, люди о долге своем позабудут. Если ж ты действовать станешь, оставив желанье плодов, но соблюдая обычный закон человеческой жизни, то вдохновишь ты людей на деянья, что им надлежит исполнять и что будут с самой их природой согласны. Ты единенья достигнешь тогда с жизни Законом моим, другом мне близким ты станешь». Далее Шри Кришна объясняет необходимость следования правильным путем деяний и действий, чтобы в конце пути достичь покоя и уравновешенности или, другими словами, отрешиться от чувства эго при совершении действия. Но это будет не отрешением от действия через аскетизм, а лишь отказом от витальной мотивации действия, связанной с большим напряжением и усилием. Такое состояние достигается путем отречения от эго и единения с Божественным и означает выход за пределы влияния трех гун и совершение действия в качестве орудия, направляемого Его силой. В этом состоянии душа сохраняет сознание того, что она является лишь свидетелем действия, частью Божественного, но сама не совершает действия. Божественная сила действует через физическое тело человека, предназначенное для действия его внутренним законом бытия. Душа есть наслаждающийся свидетель, Природа – вершитель действия, Божественное – податель санкции. Человеческое существо, озаренное этим знанием, не стремится ни помочь, ни воспрепятствовать любому действию Божественной Силы. Находясь во власти Шакти, физическое тело, ум и интеллект участвуют в работе, определенной для них Господом. Даже такая ужасная резня, как битва на поле Курукшетры, если она санкционирована Богом и вписывается в рамки внутреннего закона, дхармы, конкретного человека, не в состоянии запятнать душу грехом. Но лишь немногие способны подняться до этого знания и этой цели. Такое знание не может быть законом жизни обычного человека. Что же тогда будет входить в понятие долга заурядного путника? Даже для него доступно руководствоваться формулой «Он есть Господь, а я – его орудье». Это знание позволяет всегда помнить о Божественном и следовать своему собственному внутреннему закону жизни в направлении, определенном свыше.

«Свой собственный закон, определяющий твои деянья, хотя бы и несовершенный, все же лучше, чем исполненный прекрасно, но чужой; и лучше умереть, не преступая закона собственного бытия; опасно следовать законам чуждым» [96].

Свой собственный закон жизни (*свадхарма*) означает совершение действия в соответствии со своей собственной природой (*свабхава*). Индивидуальная человеческая природа формируется и развивается с течением времени. Постепенно у человека вырабатывается определенный общий тип природы, и каждому периоду жизни должен соответствовать вид деятельности, который отвечает текущему развитию его природы. В процессе жизни и деятельности нации формируются ее внутренний характер и природа, а действия, обусловленные природой нации, являются законом ее жизни. Точно так же специфическая природа личности, формирующаяся в процессе жизни человека, определяет образ поведения этой личности, который становится ее жизненным законом. Эти различные законы жизни соединяются вместе, образуя общий идеал Вечного Закона. Именно этот Закон должен стать индивидуальным законом для каждого, кто стремится следовать истинному закону. В период духовного ученичества (брахмачарья) необходимо следовать этому закону, чтобы обрести знание и силу. На этапе домохозяина также следует соблюдать этот закон. А когда человек полностью выполняет этот закон, он становится готов к заключительным этапам – ванапрастха и саньяса. Таково вечное воплощение вечного закона.

[96] Бхагавадгита: III. 35.

Видение Мирового Духа

Наш уважаемый друг Бепин Чандра Пал, касаясь в своей статье, озаглавленной «Банде Матарам», вопроса видения Мирового Духа Арджуной, пишет, что видение Мирового Духа, о котором идет речь в одиннадцатой главе Гиты, является исключительно плодом поэтического воображения. Мы вынуждены не согласиться с этим заявлением. Видение Мирового Духа является неотъемлемым элементом Гиты. Шри Кришна с помощью логики и слова, исполненного знания, рассеял все сомнения, возникшие на этот счет у Арджуны. Но логика и дружеский совет не могут служить прочным основанием знания. Знание обретает прочность только тогда, когда является плодом пережитого. Поэтому, незримо побуждаемый изнутри Божественным, Арджуна выразил свое желание лицезреть Мировой Дух. После того как Арджуна получил это видение, его сомнения рассеялись навсегда. Его разум очистился, и он стал способен воспринять высшую сокровенную тайну Гиты. Знание, которое раскрывает Гита до момента видения Мирового Духа, относится к внешней форме знания, необходимого всякому, кто занят духовными поисками. Все, что раскрывает Гита в последующих главах, относится к наиболее сокровенной Истине, высшей тайне, извечной заповеди. Если мы будем воспринимать описание видения Мирового Духа как поэтическую метафору, то вся глубина и значимость Гиты теряются, а наиболее ценные наставления в Йоге сводятся к набору философских воззрений и поэтических фантазий. Но видение Мирового Духа есть истина, а вовсе не плод фантазии и не поэтическая метафора. Это видение не относится даже к разряду сверхъестественных истин. Поскольку вселенная есть часть Природы, то Вселенская Форма не может быть сверхъестественным явлением. Мировой Дух есть истина каузального, причинного мира, а формы причинного мира доступны видению Йоги. Арджуна, наделенный йогическим видением, созерцал форму Универсального Духа в каузальном мире.

Форма и бесформенность

Почитатели бесформенного Брахмана, не обладающего качествами, воспринимают всякое упоминание о Его качествах и формах как метафору или стилистический прием. Почитатели бесформенного Брахмана, обладающего качествами, отрицают отсутствие у Него атрибутов, основываясь на своей собственной трактовке шастр, и рассматривают всякое упоминание о Его формах не иначе как метафорическое сравнение. Почитатели Брахмана, обладающего формами и атрибутами, не согласны ни с теми, ни с другими. Мы же считаем, что все три позиции отличаются ограниченностью и узостью и порождаются неведением. Ибо те, кто достиг реализации бесформенного Брахмана и Брахмана, обладающего формой, не могут утверждать одно как истину, и отрицать другое как ложь и плод фантазии, пренебрегая, таким образом, высшей достоверностью полученного ими знания и ограничивая бесконечного Брахмана конечными пределами. Действительно, отрицать бесформенность Брахмана и отсутствие у Него атрибутов значит преуменьшать Бога. Но точно так же верно и то, что, отрицая наличие у Брахмана качеств и форм, мы опять-таки преуменьшаем Его. Бог есть Владыка, Творец и Господь. Он не может быть ограничен никакой формой. Но не будучи ограничен ни одной из своих форм, Он также не ограничен и своей бесформенностью. Бог всемогущ. Что может быть более странным, нелепым и невежественным, чем пытаться ограничить Его рамками законов физической Природы, Пространства и Времени? Тем самым мы словно говорим Ему: «Хоть ты и бесконечен, мы не позволим тебе быть конечным, как ты ни старайся, у тебя это не получится, ибо ты связан нашей неопро-

вержимой логикой и аргументами, как Фердинанд колдовскими чарами Просперо»[97]. Бог не связан ни формой, ни отсутствием формы. Тому, кто ищет Его, Он являет себя в определенной форме. И тогда эта форма вмещает Бога во всей Его полноте, хотя в то же время Он пронизывает всю вселенную. Ибо Бог пребывает вне времени и пространства и непостижим для человеческой мысли, выходя за рамки любой логики и аргументации; пространство и время – не более чем Его забавы. Он играет со всеми существами, попавшимися в расставленные Им сети пространства и времени. Но нам никогда не удастся поймать Его в эти сети. Всякий раз, когда мы тщетно пытаемся сделать это с помощью логики и философских аргументов, Великий Шутник ускользает из наших сетей и, улыбаясь, предстает прямо перед нами и позади нас, близкий нам и далекий от нас, и, обескураживая человеческий разум, простирает пред ним свою Вселенскую Форму и вместе с ней – Форму, превосходящую вселенную. Тот, кто утверждает, что познал Его, на самом деле не знает ровным счетом ничего. Тот, кто говорит, что, познав Его, все же не знает Его, обладает истинным знанием.

Вселенская Форма

Видение Вселенской Формы крайне необходимо как для почитателей Шакти и практикующих Карма-йогу, так и для каждого, кто наделен особой миссией и является орудием в руках Всевышнего. Человек может получить божественные полномочия еще до того, как удостоится видения Мирового Духа, но пока он не обладает этим видением, его нельзя считать полностью «уполномоченным» свыше; на нем будет лежать особая печать, но он будет лишен санкции. До момента видения Мирового Духа для человека продолжается период обучения и подготовки к работе. И только после видения Мирового Духа для человека начинается настоящая работа. Это видение приходит к *садхакам*[98] по-разному в зависимости от особенностей их природы и садханы. Видя в качестве Мирового Духа образ Кали, садхак воспринимает несравненной красоты женственную форму, пронизывающую всю вселенную, единую и в то же время воплощенную во множестве обличий; ее развивающиеся черные волосы застилают все небо непроглядной тьмой; блеск ее сверкающего ятагана, с которого капает кровь, танцует повсюду, слепя глаза; от раскатов ее ужасающего хохота рушатся один за другим миры во вселенной. Эти слова не просто плод поэтического воображения или тщетная попытка передать сверхъестественный опыт языковыми средствами. Это не что иное, как откровение Кали, которая является одной из ипостасей нашей Матери[99], подлинное и простое, лишенное всякого преувеличения описание того, что предстало перед взором йогина. У Арджуны не было видения Вселенской Формы в виде Кали, у него было видение Мирового Духа в виде Времени-Разрушителя, что, по существу, одно и то же. Он воспринимал это видение не в состоянии транса, при котором отсутствует внешнее сознание, но глазами Йоги. Риши Вьяса без всякого преувеличения описал в точности то, что видел Арджуна. И все это не сон или результат воображения, но истина, живая истина.

---

[97] Герои комедии Шекспира «Буря» (*прим. ред.*).

[98] *Садхак* – тот, кто исполняет садхану, духовную практику (*прим. ред.*).

[99] *Кали* – букв. «черная». Одно из имен Дурги; воплощение грозной и разрушительной ипостаси Божественной Матери. «Не широта, а высь, не мудрость, а сила и мощь – вот то главное, что присуще ей. В ней – всеподавляющая интенсивность, могучая страсть силы в достижении цели, божественное неистовство, стремительно сокрушающее все ограничения и препятствия. … Ужасен лик ее Асуру, грозна и безжалостна она к ненавистникам божественного; ибо она есть Воительница Миров и никогда не уклоняется от битвы. Нетерпимая к несовершенству, сурово обходится она со всем тем в человеке, что не расположено к совершенствованию, и беспощадна ко всему, что упорствует в своей тьме и невежестве. … Неукротим ее дух, возвышенны и всеохватывающи, как полет орла, ее видение и воля, стремительна ее поступь на пути ввысь, а руки ее распростерты, чтобы поражать и помогать. Ибо она – тоже Мать, и сколь страшен ее гнев, столь же горяча любовь ее, и доброта ее глубока и вдохновенна». (Шри Ауробиндо. Мать)

Форма каузального мира

В Писаниях говорится о трех различных статусах Духа: Праджня, дух скрытого сверхсознательного всемогущества, присущий состоянию глубокого сна; Тайджаса, Обитатель Светозарного Разума, дух тонкого, внутреннего плана, присущий состоянию сна со сновидениями; Вират, дух «грубого», внешнего плана, присущий состоянию бодрствования. Каждое из этих состояний духа представляет собой отдельный мир: каузальный мир соответствует состоянию глубокого сна; тонкий внутренний мир – состоянию сна со сновидениями; физический мир – состоянию бодрствования. Какое бы решение ни было принято на уровне каузального мира, оно находит свое отражение на уровне тонкого внутреннего мира за пределами пространства и времени и частично осуществляется в физическом мире сообразно с его законами. Шри Кришна говорит Арджуне: «Уже убиты мною Дхритараштры сыновья». Тем не менее, все они в этот момент живые и невредимые находятся на поле боя перед Арджуной. Слова Божества не являются метафорой или ложью, ибо Он говорит о том, что сыновья Дхритараштры убиты Им в каузальном мире; в противном случае их невозможно было бы убить в мире физическом. Наша реальная жизнь протекает в мире каузальном; и лишь слабая тень каузального мира отражается в мире физическом. На каузальном уровне действуют другие законы, отличные от нашего мира, там другое пространство и время, другие имена и формы. Мировой Дух – это форма каузального мира, которая становится зримой в физическом мире для глаз йогина.

Йогическое видение

Что такое йогическое в**и**дение? Оно не имеет ничего общего с воображением или поэтическим символизмом. В результате йогической практики человеку становятся доступны три различные силы восприятия: тонкое видение, непосредственное духовное восприятие и йогическое видение. Тонкое видение позволяет воспринимать ментальные образы во время сна или в бодрствующем состоянии. С помощью непосредственного духовного восприятия мы видим в состоянии транса различные образы и символические значения имен и форм, принадлежащих тонкому и каузальному мирам, отраженным на уровне нашего внутреннего ментального «неба». Йогическое видение дает возможность воспринимать имена и формы каузального мира как в состоянии транса, так и в обычном бодрствующем состоянии с помощью физического органа зрения. Если физический глаз начинает видеть то, что обычно ему недоступно, это следует расценивать как результат проявления йогического видения. Арджуна созерцал Мировой Дух на уровне каузального мира в бодрствующем состоянии и был избавлен от всех сомнений. Хотя зрелище Мирового Духа не относится к разряду истин, доступных восприятию физическими органами чувств, оно превосходит любую физическую истину и не является вымыслом, иллюзией или поэтическим символом.

Бхагавадгита: введение

Предисловие

Бхагавадгита занимает первое место среди известных миру священных писаний. Знание, в краткой форме изложенное на страницах Гиты, есть наивысшее и сокровеннейшее знание. Закон правильной жизни, дхарма, провозглашаемый в Гите, охватывает все прочие законы праведного бытия и является их основой. Указанный в Гите путь трудов, посвященных Богу, есть извечный путь, которым наш мир восходит к высотам Духа.

Гита – словно бездонный океан, хранящий в своих глубинах несметные сокровища. Можно потратить всю жизнь, пытаясь измерить эти пучины, и так и не добраться до самого дна. Даже и сотни лет прилежных исследований не хватит, чтобы собрать тысячную часть сокрытых в Гите бесчисленных сокровищ. Но тот, кому удастся добыть хотя бы малую толику этих богатств, из бедняка превратится в богача, из мыслителя – в мудреца, из ненавидящего Бога – в Его страстного поклонника; а могучий герой, вооруженный знанием, почерпнутым в Гите, сможет беспрепятственно осуществить цель своей жизни.

Бхагавадгита – это нескончаемый источник бесценных богатств, и даже если беспрерывно вычерпывать их столетие за столетием, все равно грядущим поколениям всегда удастся найти в ней новые несметные сокровища, приводящие в изумление и восторг.

Вот что такое Бхагавадгита, Книга, наполненная глубоким оккультным знанием. И в то же время она написана ясным языком и простым стилем, а смысл изложения легко угадывается, хотя есть в ней и более глубинные и труднопостижимые тайны. Но даже от одного скольжения по поверхности ее бездонных вод, не углубляясь в их толщу, вы испытаете прилив сил и почувствуете радость. Просто прогуливаясь в окрестностях этой золотоносной шахты и не спускаясь под землю, вы найдете в траве золотые самородки, которые обеспечат вам безбедное существование до конца ваших дней.

К Бхагавадгите написаны тысячи комментариев, но люди всегда будут нуждаться во все новых и новых толкованиях этой Книги. Никогда не отыщется такой выдающийся ученый или мудрец, который мог бы написать исчерпывающий, всеобъемлющий, удовлетворяющий всех и на все времена комментарий к Гите. Даже поднявшись к предельным высотам наших интеллектуальных способностей, мы сможем объять своим разумом и осмыслить лишь немногие грани этого великого знания. Углубившись в практику йоги и восходя от вершины к вершине на пути не мотивированных желанием действий, мы сможем лишь констатировать, что нам удалось на практике и в жизни постичь немногие из тех учений и истин, что содержатся в Гите.

Цель, с которой автор этих строк предлагает читателю нижеследующие очерки, – прокомментировать и истолковать текст Бхагавадгиты и то значение Гиты, которое он открыл для себя в результате осмысления, подкрепленного собственным опытом и практикой, чтобы помочь разобраться в ней другим, независимо от того, сколь немногое смог осуществить на практике сам автор и как мало ему удалось продвинуться по пути действий.

Рассказчик

Для того чтобы понять смысл и цель, которую ставит перед собой Гита, прежде всего необходимо уточнить, кто является рассказчиком и кто слушателем, а также в какое время и при каких обстоятельствах происходит изложение. Рассказчик, Повествующий – это сам

Господь Шри Кришна, слушатель – Его друг и величайший герой Арджуна. Повествование происходит в преддверии страшной, кровопролитной битвы на поле Курукшетры.

Многие утверждают, что Махабхарата – это лишь символ: Шри Кришна олицетворяет Бога, Арджуна – человеческую душу, сыновья Дхритараштры – внутренних врагов прогресса человеческой души, а армия Пандавов – силы, способствующие освобождению души. Истолковывать таким образом Махабхарату – значит принижать ее значение и место в ряду мировых литературных памятников и сводить на нет глубокий и важный смысл, заложенный в Гите, ее роль путеводной звезды в жизни всякого человека действия и ее высокое учение, способствующее прогрессу человечества. Сражение на поле Курукшетры – это не только фон, на котором разворачивается действие Гиты; это главный сюжетный мотив произведения и наилучшее из условий для исполнения закона, предписываемого Гитой. Понимание битвы на поле Курукшетры как символа сводит основной закон Гиты не к активной позиции человека-героя, которой нужно придерживаться в жизни, а к пассивной аскетической созерцательности, неприемлемой в обычном мирском бытии.

Шри Кришна является Рассказчиком. В священных писаниях говорится, что Шри Кришна есть сам Господь Бог. В Гите Шри Кришна сам объявляет себя Богом. Там сказано, что, согласно учению об Аватарах (глава IV) и доктрине Вибхути (глава X), Бог скрыто обитает в телах всех существ, до определенной степени обнаруживает себя через проявления силы в некоторых выдающихся существах и воплощается во всей своей полноте в личности Шри Кришны. Многие полагают, что Шри Кришна, Арджуна и Курукшетра – не более чем метафоры и что для понимания истинного смысла Гиты необходимо пренебречь ими. Но мы не можем отбросить эту часть учения. Если принять доктрину Аватаров, то как можно пренебречь Шри Кришной? Таким образом, сам Бог возвещает свое учение и передает свое знание.

Шри Кришна – Аватар. Воплотившись в человеке, он принял закон человеческого тела, разума и духа и в соответствии с этим ведет свою игру, *лилу*. Если мы сможем уловить и очевидное, и сокровенное значение этой игры, то нам будет нетрудно понять смысл, цели и методы игры вселенской. Главная характерная черта этой великой игры заключается в действии, вытекающем из всеобъемлющего знания. Что это за знание, которое стоит за действием и за всей игрой, – раскрывается в повествовании Гиты.

Шри Кришна Махабхараты – это герой действия, великий йогин и выдающийся светский правитель, основатель империи, государственный деятель и воин, познавший Брахмана в физическом теле кшатрия. Его жизнь является несравненным примером манифестации и таинственной игры Верховной Силы, Махашакти. Гита несет в себе объяснение этой тайны.

Шри Кришна – Господь проявленных миров, вселенский Васудэва. Но при этом, скрывая свое величие, Он вступает в игру и входит с людьми в отношения отца и сына, брата и мужа, соратника, друга и врага. Его жизнь таит в себе высший секрет арийского знания и сокровенный смысл подвижнического пути божественной любви и преданности, основные принципы которых также освещаются в учении Гиты.

Воплощение Шри Кришны имеет место на стыке двух эпох: Двапара-юги и Кали-юги. В каждом эволюционном цикле, *кальпе*, Бог всегда воплощается во всей своей полноте на подобной границе эпох. Кали-юга является одновременно наихудшей и наилучшей из четырех эпох мирового цикла. Эта эпоха несет на себе печать всесильной власти демона Кали, главного врага человеческого прогресса, склоняющего людской род к пороку и греху. Наибольшая деградация и падение нравов происходят в человеческом обществе именно в период правления демона Кали. Но этот период отмечен также возрастающей силой, обретаемой в борьбе с препятствиями; кроме того, разрушение старого мира влечет за собой возникновение нового. И это тоже характерная черта Кали-юги. Бурный рост элементов зла, которые должны быть уничтожены в ходе земной эволюции, приводит в итоге к их гибели. С дру-

гой стороны, в эту эпоху засеваются и дают всходы семена нового мира, которые впоследствии превращаются в деревья Сатья-юги, эпохи Истины, следующей за веком Кали. Более того, подобно тому как в астрологии движение всех планет по небосводу находит отражение в соответствующих субпериодах в пределах общего периода вращения каждой отдельной планеты, так же и в Кали-юге можно выделить четыре последовательных субпериода, соответствующие четырем эпохам Сатья, Трета, Двапара и Кали. Этот циклический ритм земной истории приводит к тому, что в ходе Кали-юги наблюдаются период великого падения, сменяющийся периодом восходящего движения, а затем еще одно великое падение и снова могучее устремление ввысь. Все это служит целям Господа. На стыке Двапара-юги и Кали-юги Бог посредством своей инкарнации создает условия для необузданного разгула зла, затем искореняет это зло, засевает семена добра и создает благоприятные условия для их произрастания; затем начинается эпоха Кали. Шри Кришна запечатлел в Гите сокровенное знание и практический метод, с помощью которого можно установить эпоху Истины, Сатья-югу. Когда наступит время субпериода Сатьи в эпохе Кали, то всемирное распространение закона, изложенного в Гите, станет неизбежным. Теперь это время пришло, поэтому сейчас можно наблюдать признание Гиты широкими слоями общества в самых разных странах, тогда как раньше о ней знали лишь немногие ученые мужи.

Поэтому невозможно отделить Шри Кришну как Повествующего от Его Слова, от Гиты. Шри Кришна и Гита – одно целое, Гита – это сам Шри Кришна в Его форме Слова.

Слушатель и ученик

Ученик, воспринимающий знание, изложенное в Гите, – это могучий герой Арджуна, сын великого Бога Индры и лучший из рода Пандавов. Как трудно раскрыть подлинное значение и скрытый смысл Гиты, игнорируя Рассказчика, так же сложно и постичь глубину Гиты, упустив из вида фигуру слушателя.

Арджуна – близкий друг Шри Кришны. В соответствии со своими способностями и действиями, совершенными в прошлом, современники Шри Кришны, которые низошли на землю, чтобы принять участие в Его земной миссии, устанавливают с Ним, Всевышним Пурушоттамой[100] в человеческом обличье, различные отношения. Уддхава – преданный последователь Шри Кришны, Сатьяки – Его верный спутник, царь Юдхиштхира – родственник и друг, внемлющий советам Шри Кришны; но никто не смог установить с Шри Кришной таких близких отношений, как Арджуна. У Шри Кришны и Арджуны сложились самые близкие и доверительные отношения, какие только могут существовать между двумя мужчинами одного возраста. Арджуна – брат Шри Кришны, Его ближайший друг, муж Его сестры Субхадры, любимой Им и дорогой Его сердцу. В четвертой главе Господь отмечает, что именно эта близость в отношениях с Арджуной явилась причиной, по которой Он избрал Арджуну для того, чтобы раскрыть ему наивысшую тайну Гиты:

sa evāya# mayā te'dya yoga# prokta# purātana#
bhakto'si me sakhā ceti rahasya# hyetaduttamam

«Эту забытую древнюю йогу Я ныне тебе возвещаю, ибо ты преданный друг Мой ближайший; в ней – наивысшая, наиценнейшая тайна вселенной». Это утверждение вновь повторяется в главе восемнадцатой, где объясняется основной принцип Карма-йоги, которая является краеугольным камнем Гиты:

[100] *Букв.* – «высочайший Пуруша» (*прим. ред.*).

sarva-guhyatama# bhūya# ś##u me parama# vaca#
i##o'si me d##hamiti tato vak#yāmi te hitam

«Снова внемли Моему наивысшему, самому тайному Слову. Дорог ты мне бесконечно, вот почему пред тобою открою Я путь совершенный». Два приведенных стиха соответствуют по духу ведическим писаниям, например таким строкам из Катха Упанишады:

nāyamātmā pravacanena labhyo
na medhayā na bahunā śrutena
yameva e#a v##utte tena labhyas —
tasyai#a ātmā v##ute tanū# svām

«Дух сей Всевышний постичь невозможно, ни изучая философов книги, ни напрягая свой разум, ни углубляясь в премудрость писанья. Тот лишь Его постигает, кто избран окажется Богом самим; только ему одному Дух сей Всевышний плоть открывает свою». Поэтому именно такой избранник, способный установить с Богом близкие и задушевные отношения, оказывается подготовленным к восприятию знания, изложенного в Гите.

Отсюда вытекает еще одно очень важное заключение. Бог избрал Арджуну, ибо тот был одновременно и его другом, и преданным последователем, бхактой. Существуют разные формы проявления преданности. Обычно преданность ассоциируется у нас с отношениями между учителем и учеником. Эти взаимоотношения, конечно, отмечены любовью, но, как правило, их отличительной чертой является еще и послушание, уважение и слепая преданность ученика. Но между друзьями не принято выказывать почитание друг друга. Они шутят, играют и забавляются вместе. Хотя их отношения и носят ласковый, любовный характер, шутки ради друзья могут позволять себе подтрунивать друг над другом, потешаться и даже демонстрировать неуважение по отношению друг к другу, бранить друг друга и предъявлять необоснованные требования. Они не всегда слушаются друг друга; и даже если один из них следует совету другого, признавая его глубокую мудрость и добрую волю, то такое признание авторитета не происходит вслепую и может сопровождаться спорами, сомнениями, а иногда даже несогласием и протестом. Первое, чему следует научиться в дружбе, это оставить всякий страх; второе – забыть о внешних знаках уважения и внимания. Первое и последнее слово в дружбе остается за любовью. Лишь тот способен воспринять знание, заложенное в Гите, кто может видеть в этом проявленном мире выражение сладостной таинственной игры, исполненной любви и блаженства, кто избрал Бога своим товарищем по беспечным забавам и связал себя с Ним узами дружбы. Только тот в состоянии постичь знание, сокрытое в Гите, кто осознал беспредельное могущество Бога, необъятную глубину Его мудрости и Его устрашающее величие, но не подавлен и не устрашен и может играть с Ним и забавляться без страха и с улыбкой на лице.

Дружеские отношения, как часть игры, могут включать в себя множество всевозможных оттенков. Взаимоотношения учителя и ученика, когда они основаны на дружбе, приобретают очень нежный и ласковый характер. Именно такими были отношения Арджуны и Шри Кришны к моменту событий, о которых повествует Гита. «Ты лучший из друзей моих, желающий мне блага, так у кого ж еще искать мне утешенья? Мой разум помутился и лишился силы, меня гнетет ответственности бремя. В сомненьях потерялся я, не знаю, что мне делать, сраженный неизбывным горьким горем. Избавь же ты меня от тягостных сомнений, от горя исцели, совет мне дай. Тебе судьбу свою вверяю я и в этом мире, и в иных вселенных». В таком настроении обращается Арджуна к Другу и Помощнику человечества, желая получить от Него необходимое знание. Отношения матери и ребенка также могут стать частью отношений между друзьями. Старший по возрасту и умудренный опы-

том проявляет любовь по отношению к молодому и неискушенному другу, подобно матери, заботливо оберегает младшего и неопытного друга от подстерегающих его опасностей и зла. Шри Кришна также проявляет этот аспект материнской любви по отношению к своему другу. Для дружеских взаимоотношений может быть характерной не только глубина материнской любви, но также и восторженная радость любви супружеской. Друзья всегда стремятся находиться в обществе друг друга, страдают от разлуки, радуются каждому ласковому, ободряющему прикосновению друга и счастливы даже пожертвовать своей жизнью ради друга. Служение, становясь частью дружеских отношений, также наполняется особой сладостью и любовью. Как уже было сказано выше, чем более доверительные и задушевные отношения человек сможет установить с Всевышним Божеством, тем крепче будет их дружба и тем большую способность обретет человек к восприятию знания, заложенного в Гите.

Арджуна, друг Кришны, – главное действующее лицо Махабхараты. Главное же учение Гиты – это учение о йоге божественных действий и трудов. Три пути: знания, преданности и действий – не противоречат друг другу. Учение Гиты заключается в том, что человек, следуя по пути трудов, должен положить в основу своих действий знание и опираться на силу, даруемую преданностью, действовать во имя целей, предначертанных Богом, согласно Его воле и в неразрывном единстве с Ним. Те же, кто боится мирских печалей, терзается отвращением к жизни, *вайрагья*, кто потерял интерес к божественной игре и стремится уйти от нее, укрывшись в объятиях Бесконечности, идут другой дорогой. Подобные чувства или желания были чужды Арджуне, могучему воину и бесстрашному герою. Шри Кришна открыл свою высшую тайну не умиротворенному аскету и не умудренному философу, он выбрал для этого не брамина, связанного обетом ненасилия, а кшатрия, могучего и отважного воина, именно его он счел способным воспринять это несравненное знание. Только тот в состоянии постичь глубочайшие секреты этого учения, кто может спокойно воспринимать победы и поражения на поле битвы жизни. Тому, кто силой обделен, Всевышний этот Дух познать не суждено: *nāyamātmā balahīnena labhya#.* Только тот, кто взращивает в себе стремление обрести Бога, предпочитая его желанию освобождения, *мумукшутва*, может испытать присутствие Бога, осознать бесконечную свободу своей истинной природы и будет в силах отказаться даже и от желания достичь освобождения как от последнего прибежища Неведения. Только тот, кто, преодолев тамасические и раджасические формы проявления эгоизма, не желает покоряться даже саттвическим узам эго, способен выйти за пределы качеств-гун Природы, *гунатита*. Арджуна исчерпал свои раджасические наклонности, следуя закону кшатриев, и в то же время, приняв для себя саттвический идеал, придал своей раджасической энергии саттвический характер. Человек такого склада является идеальным для восприятия учения Гиты.

Арджуна не относился к числу лучших среди своих великих современников. В сфере духовного знания первенство принадлежало Вьясе, а в области мирских познаний того времени – Бхишме[101]. По своей устремленности к знанию не было равных царю Дхритараштре[102] и Видуре[103]. С Юдхиштхирой[104] никто не мог сравниться в святости и саттвической чистоте, и не было никого равных Уддхаве[105] и Акруре[106] в преданности Богу. Карна, стар-

---

[101] *Бхишма* – дед Кауравов и Пандавов; предводитель войска Кауравов в битве.

[102] *Дхритараштра* – старший сын мудреца Вьясы, брат Панду, рожденный слепым; отец Дурьодханы и ста братьев Кауравов.

[103] *Видура* – сын Вьясы, брат и мудрый советник Дхритараштры.

[104] *Юдхиштхира* – старший из братьев Пандавов, праведный царь; считался сыном бога Дхармы. Другие братья Пандавы (по старшинству): могучий и грозный Бхимасена (или Бхима), считался сыном Ваю – бога ветра; храбрый Арджуна, считался сыном бога Индры; младшие братья по отцу – близнецы Накула и Сахадэва, считались сыновьями небесных близнецов Ашвинов.

[105] *Уддхава* – друг и советник Кришны, был преданным его сторонником. Также считается двоюродным братом

ший брат Арджуны, превосходил всех воинов по природной силе и доблести. И тем не менее, Господь и Владыка всех миров избрал именно Арджуну. Именно в его руки Он вложил божественное оружие, такое, как лук Гандива, и именно ему даровал вечную победу. Именно руками Арджуны Господь поверг многие тысячи славнейших и доблестнейших воинов Индии, а затем Он основал непобедимую империю Юдхиштхиры как награду за доблестные подвиги Арджуны. Наконец, именно Арджуну Господь избрал как единственного достойного восприемника высшего знания Гиты. Арджуна, и только он – герой и главное действующее лицо Махабхараты; в каждой главе этого бессмертного эпоса воздаются почести Арджуне и прославляется его имя. Такое восхваление Арджуны – вовсе не результат незаслуженного, предвзятого к нему отношения со стороны Всевышнего Божественного или великого Вьясы, автора Махабхараты. Арджуна занял подобающее ему высокое место благодаря своей совершенной вере и способности полностью предать себя в руки Божественного. Кто способен безоговорочно и с безусловной верой отдать себя на волю Всевышнего, не требуя ничего взамен, переложив на Его плечи ответственность за свое благополучие или бедствование, радости или горести, добродетели или грехи; кто хочет следовать Его велениям, а не своим привязанностям к дорогим сердцу трудам и деяниям; кто повинуется Его воле, а не стремится к удовлетворению своих эгоистических наклонностей; кто для исполнения Его миссии принимает ниспосланные Им качества и устремления, вместо того чтобы жадно цепляться за те черты и склонности, которые нравятся ему самому, – тот самоотверженный и исполненный веры карма-йогин, который становится ближайшим другом Всевышнего и совершенным орудием Его Силы, непогрешимо выполняющим Его великую миссию в этом мире. Магомет, основатель ислама, относился к числу наивысших йогинов такого рода. Арджуна также был всегда готов приложить усилия для такой самоотдачи, именно поэтому он и снискал любовь и расположение Шри Кришны. Лишь тот, кто прилагает серьезные усилия для самоотдачи Божественному, способен постичь учение Гиты. Шри Кришна становится Учителем и Другом такого человека и берет на себя всю ответственность за его судьбу как в этом мире, так и в иных вселенных.

Обстоятельства повествования

Для того чтобы полностью понять мотивы и причины тех или иных действий и слов человека, необходимо знать условия и обстоятельства, в которых совершались эти действия или произносились эти слова. Откровение Гиты было дано Господом в момент начала великого сражения на поле Курукшетры, когда в воздухе стали проноситься первые стрелы и копья. У многих этот факт вызывает недоумение и даже раздражение, ибо они считают, что подобные обстоятельства вовсе не годятся для откровения высшего знания и выбраны автором по недосмотру или недомыслию. Но на самом деле Шри Кришна открыл перед Арджуной знание Гиты в совершенно определенный момент, в определенной ситуации и именно тогда, когда тот находился в определенном внутреннем состоянии. И сделал это Шри Кришна с полным осознанием времени, места и сложившихся обстоятельств.

Итак, время изложения соответствует началу битвы. Те, кто не воспитали в себе или не проверили в могучем потоке действия своих героических качеств и силы духа, никогда не смогут воспринять знание, содержащееся в Гите. Более того, это высшее знание могут обрести только те, кто вступил на великий и трудный путь, неизбежно сопряженный с множеством препятствий, с ожесточенным вражеским сопротивлением, страхом падений и преткновений и опасением неудачи. Когда идущий по этому пути и преодолевающий на нем

Кришны.

[106] *Акрура* – дядя Кришны по отцовской линии.

преграды приближается к обретению божественной силы, то именно в этот момент, для того чтобы позволить такому герою совершить последний шаг к цели, во имя успешного осуществления им божественной миссии дается знание Гиты. В своей Йоге действий Гита утверждает основы пути к Богу. Знание рождается из трудов, исполненных веры и преданности. Поэтому тот, кто идет дорогой, указанной Гитой, не оставляет своего пути, чтобы обрести видение Бога в уединенной отшельнической обители или в тихом, удаленном от мирской суеты месте; небесный Свет своим сиянием озаряет для него весь мир, а всемогущее сладостное Слово внезапно ласкает его слух среди шума и суматохи повседневных дел.

Место события – поле сражения, на котором сошлись для битвы две противоборствующие армии. К тем, кто следует этим путем, кто посвящает себя деятельности такого рода, высшее озарение и обретение совершенной реализации, *йога-сиддхи*, зачастую приходит абсолютно неожиданно, в самый напряженный и критический момент, определяющий дальнейший ход их судьбы в том или ином направлении в зависимости от природы их действий. Высшее знание не препятствует действию, но неразрывно связано с ним. Без сомнения, знание нисходит на нас также и во время медитации, в уединении, когда мы отрешаемся от своего человеческого «я», – именно поэтому мудрецы любят уединение. Но последователь йоги Гиты в состоянии настолько отделить себя от своих инструментальных средств: разума, жизни и тела, – что может наслаждаться уединением, находясь в толпе народа, предаваться покою среди шума, испытывать высшее умиротворение, будучи вовлеченным в водоворот активных действий. Его внутренняя жизнь не подвержена влиянию внешних событий, наоборот, он управляет окружающей ситуацией силой своего внутреннего состояния. Обычный йогин боится жизни и бежит от нее, предаваясь практике йоги под защитой стен ашрама. Но для карма-йогина сама жизнь и есть ашрам. Обычный йогин стремится к внешнему покою и тишине, а все, что нарушает этот покой, мешает его внутренней аскезе. Карма-йогин наслаждается безграничным внутренним покоем и тишиной; и это состояние только еще больше углубляется в окружении суеты и шума внешней жизни; никакие внешние раздражители не могут нарушить внутреннюю аскезу карма-йогина, она остается непоколебленной. Многие выражают удивление по поводу того, как вообще диалог Шри Кришны и Арджуны мог происходить на поле брани между двух войск, сходящихся для битвы. Но этот диалог действительно был возможен благодаря йогической силе. Именно благодаря силе Йоги внутри у Шри Кришны и Арджуны, а также и вокруг них, царил такой могучий покой, что даже грохот битвы не мог нарушить этого покоя и помешать им вести беседу. В этом заключено еще одно духовное учение, применимое к сфере действий. Те, кто практикует йогу Гиты, наиболее искусны в действиях и в то же время не испытывают привязанности к тому, что они делают. В самый разгар своей работы они могут услышать внутренний призыв своего «Я», отказаться от внешних действий и предаться йоге и внутренней аскезе. Они знают, что всю работу выполняет Бог, Ему же принадлежат и плоды трудов, а человек – только орудие. Поэтому они не беспокоятся о плодах своих дел. Им также известно, что внутренний призыв приходит, чтобы способствовать продвижению в йоге действий, прогрессу в работе и преумножению знания и силы. И потому они не боятся оставить свою деятельность, ибо знают, что на поприще духовных поисков не может быть напрасно потерянного времени.

Первоначальное настроение Арджуны обусловлено последними сомнениями карма-йогина. Под давлением жизненных проблем, проблемы страдания и удовольствия, проблемы греха и добродетели, многие приходят к заключению, что единственный путь к благу лежит через уход и бегство от мирской жизни, и прославляют добродетели аскетического отречения от жизни, *вайрагья,* и отказа от всякой деятельности. Господь Будда учил, что этот мир непостоянен и полон страданий, и показал людям путь к достижению Нирваны. Другие, подобно Иисусу и Толстому, были ярыми противниками войны, которая издревле была одним из основных законов этого мира, и брака, без которого прекратился бы род человече-

ский. Аскеты считают, что труд сам по себе есть результат неведения, и призывают отречься от невежества, отказаться от всякой работы и пребывать в покое и бездействии. Сторонники Адвайты учат, что этот мир есть абсолютная иллюзия и что необходимо полностью раствориться в Брахмане. К чему тогда весь этот мир и эта жизнь? Если Бог существует, то для чего Он совершает этот бессмысленный и бесполезный труд, как несмышленый младенец? Зачем он затеял эту пустую шутку? Если существует только Дух, если наш мир – просто иллюзия, то чего ради Дух навязывает этот дурной сон своему чистому бытию? Атеист утверждает, что нет ни Бога, ни Духа, а есть лишь слепое действие слепой силы. Но, кто на самом деле так считает, кому принадлежит эта сила, откуда она взялась и почему она слепа и невежественна? Ни христиане, ни буддисты, ни последователи Адвайты, ни атеисты и ни ученые не смогли дать удовлетворительного ответа на эти вопросы. Все они хранят молчание и уходят от ответа на главный вопрос, делая вид, что его нет. И лишь Упанишады и Гита дают прямой ответ на этот вопрос, не желая уклоняться от него. Именно поэтому песнь Гиты и звучит на поле битвы, на поле Курукшетры. Страшное мирское деяние – убийство наставников, братьев и соплеменников – такова была цель этой войны. Перед началом сражения, унесшего тысячи жизней, Арджуна отбрасывает в отчаянии божественный лук, не зная, как поступить, и восклицает сокрушенно:

tat ki# karma#i ghore mā# niyojayasi Keśava

«Зачем ты к ужасному делу меня побуждаешь, Кешава?» В ответ на этот вопрос среди грохота битвы громовыми раскатами звучит могучая песнь-ответ из уст Бога:

kuru karmaiva tasmāt tva# pūrvai# pūrvatara# k#tam

yogastha# kuru karmā#i saÿga# tyaktvā dhanañjaya

buddhiyukto jahātīha ubhe suk#tadu#k#te
tasmād yogāya yujyasva yoga# karmasu kauśalam

asakto hyācaran karma param āpnoti pūru#a#

mayi sarvā#i karmā#i sa#nyasyādhyātmacetasā
nirāśīrnirmamo bhūtvā yuddhyasva vigatajvara#

gatasaÿgasya muktasya jñānāvasthitacetasa#
yajñāyācarata# karma samagra# pravilīyate

ajñānenā v#tam jñāna# tena muhyanti jantava#

bhoktāra# yajñatapasā# sarvalokamaheśvaram
suh#dam sarvabhūtānā# jñātvā mā# śāntim #cchati

mayā hatā#stva# jahi mā vyathi##hā
yuddhyasva jetāsi ra#e sapatnān

yasya nāha#k#to bhāvo buddhiryasya na lipyate
hatvāpi sa imānlokān na hanti na nibadhyate

«Так продолжай деянья совершать; все то, что предки делали твои, теперь и ты исполнить должен… Все, что вершишь ты, делай в единеньи с Богом, отринув все привязанности прочь… Кто ум и волю в йоге утвердил, тот даже и в деяниях своих и грех, и добродетель превосходит. Так постарайся укрепиться в йоге, ведь йога – лучшее из средств для исполнения деяний… Кто действия свершает отрешенно, тот непременно достигает Бога… Так вверь же Мне все действия свои, исполнясь в сердце знанья; желанье победи, отвергни эгоизм – и от печали ты освободишься; иди же в бой… Кто стал свободен, кто преодолел в себе привязанностей узы, чей разум неотступно пребывает в знаньи, кто совершает действия как жертвоприношенье – все действия того, не став причиной уз, всецело поглощаются во Мне… То знанье, что внутри у всех существ таится, неведенья покровами сокрыто. И потому они впадают в заблужденье, испытывая двойственностей смену: печаль и радость, грех и добродетель… Познание Меня, как Господа миров, как властелина всех трудов, для чьей услады существуют и действия, и жертва, и аскеза, как друга и любимца всех существ, – дает покой всевышний… И Я уже сразил врагов твоих, а ты лишь инструмент в Моих руках, чтоб уничтожить их; так не печалься, смело в бой вступай и победишь противников ты в битве… Чье внутреннее существо от эгоизма обрело свободу, чей ум и воля не подвержены привязанностей узам, хотя б ему пришлось весь мир разрушить, – тот, проливая кровь, не убивает, и узами греха не связан он…»

Здесь нет ни малейшего признака уклонения от главного вопроса или его замалчивания. Проблема ясно определена. Что есть Бог, что есть мир и жизнь, каков правильный путь в жизни? На все эти вопросы в Гите вкратце даны ответы. И тем не менее ее цель – это не проповедь аскетизма; Гита призывает следовать путем действий. И в этом универсальная ценность Гиты.

Бхагавадгита: Глава I

Dh#itarā##ra uvāca
dharmak#etre kuruk#etre samavetā yuyutsava#
māmakā# pā##avāścaiva kimakurvata sañjaya (1)

Дхритараштра сказал:
Что, о Санджая[107], свершили Пандавы и воины наши, для битвы сойдясь на поле святом Курукшетры?

Sañjaya uvāca
d###vā tu pā##avānīka# vyū#hā# duryodhanastadā
ācāryamupasa#gamya rājā vacanamabravīt (2)

Санджая сказал:
Царь Дурьодхана[108] тогда молвил наставнику слово, взором окинув строй боевой готовых к сраженью Пандавов:

paśyaita# pā##uputrā#āmācārya mahatī# camūm
vy#hā# drupadaputre#a tava śi#ye#a dhīmatā (3)

«Смотри, о Учитель, на эту могучую силу Пандавов, что Дхриштадьюмной[109], сыном Друпады, учеником твоим мудрым построена к бою и ринуться в битву готова.

atra śūrā mahe#vāsā bhīmārjunasamā yudhi
yuyudhāno virātaśca drupadaśca mahārathā# (4)

dh###aketuścekitāna# kāśirājaśca vīryavān
purujit kuntibhojaśca śaibyaśca narapu#gava# (5)

yudhāmanyuśca vikrānta uttamaujaśca viryavān
saubhadro draupadeyāśca sarva eva mahārathā# (6)

В полчище этом огромном есть боевые герои, лучники славные есть, такие как Бхима с Арджуной, – вот Ююдхана, Вирата, Друпада, воин великий. Вот Дхриштакету и Чекитана, и витязь могучий – царь Каши, вот Пуруджит, Кунтибходжа и Шайбья, лучший из лучших, и удалой Юдхаманью, и Уттамауджа могучий, и Абхиманью, сын несравненный Субхадры, также сыны Драупади, воины славные все.

asmākantu viśi##ā ye tānnibodha dvijottama
nāyakā mama sainyasya sañjñārtha# tān bravīmi te (7)

---

[107] *Санджая* – колесничий и советник царя Дхритараштры. Описывает слепому царю события, происходящие на поле боя. От его лица ведется все повествование о битве.

[108] *Дурьодхана* – главный из ста братьев Кауравов, наследник престола. Основной зачинщик битвы, стремящийся отнять царство у Юдхиштхиры.

[109] *Дхриштадьюмна* – сын царя Панчалов – союзников Пандавов; брат супруги пятерых братьев Пандавов.

Лучших из воинов наших, владеющих силой великой, также узнай, о дваждырожденный, войска вождей моего – их назову я тебе для сравненья:

bhavān bhī#maśca kar#aśca k#paśca samitiñjaya#
aśvatthāmā vikar#aśca saumadattirjayadratha# (8)

anye ca bahava# śūrā madarthe tyaktajīvitā#
nānāśastraprahara#ā# sarve yuddhaviśāradā# (9)

Сам ты и Бхишма, Карна и Крипа непобедимый, и Ашваттхаман, Викарна и Бхуришрава, сын Сомадатты, и Джаядратха – также и много других воителей храбрых, ради меня презревших привязанность к жизни. Все они боя искусством владеют блестяще и обращаться умеют с оружием разным.

aparyāpta# tadasmāka# bala# bhī#hmābhirak#itam
paryāpta# tvidamete#ā# bala# bhīmābhirak#itam (10)

Сила и мощь наших войск, возглавляемых Бхишмой, не знает предела; сила же наших противников меньше, и вся их надежда – один только Бхима.

ayane#u ca sarve#u yathābhāgamavasthitā#
bhī#mamevābhirak#antu bhavanta# sarva eva hi (11)

Все вы поэтому Бхишму должны защищать неотступно – каждый на месте своем, где вам следует быть в битве на поле сраженья».

tasya sanjanayan har#a# kuruv#ddha# pitāmaha#
si#hanāda# vinadyoccai# śaÿkha# dadhmau pratāpavān (12)

И, чтоб взбодрить Дурьодхану, Бхишма, старейшина меж Кауравов, клич боевой испустил, прогремевший над полем сраженья, и протрубил что есть мочи в раковину боевую.

tata# śaÿkhāśca bheryaśca panavānakagomukhā#
sahasaivābhyahanyanta sa śabdastumulo'bhavat (13)

Тотчас в ответ ему раковины затрубили, грянули горны, забили бубны и барабаны – шумом ужасным наполнилось бранное поле.

tata# śvetairhayaire yuktemahati syandane sthitau
mādhava# pā##avaścaiva divyau śa#khau pradadhmatu# (14)

Тотчас в огромной своей колеснице, влекомой упряжкой коней белоснежных, Кришна и сын мощнодланный Панду Арджуна в раковины божественные затрубили.

pāñcajanya# h#śīke#o devadatta# dhananjaya#
pau##ra# dadhnau mahāśaÿkha# bhīmakarmā v#kodara# (15)

В раковину Панчаджанью вострубил Хришикеша[110], Арджуна – в раковину Дэвадатту, Бхима же, ужас вселяющий, грянул в могучую раковину Паундру.

anantavijaya# rājā kuntīputro yudhi##hira#
nakula# sahadevaśca sugho#ama#ipu#pakau (16)

Царь Юдхиштхира, сын Кунти, трубил в Анантавиджаю, Накула и Сахадэва – в Сугхошу и Манипушпаку.

kāśyaśca parame#vāsa# śikha##i ca mahāratha#
dh###adyumno virā#aśca sātyakiścāparajita# (17)

drupado draupadeyāśca sarvaśa# p#thivīpate
saubhadraśca mahābāhu# śaÿkhān dadhmu# p#thak p#thak (18)

Лучник великий, царь Каши, и доблестный воин Шикханди, и Дхриштадьюмна, и непобедимый Сатьяки, Друпада и сыновья Драупади, и сын долгорукий Субхадры – все они в раковины свои грянули разом.

sa gho#o dhārtarā##rā#ā# h#dayāni vyadārayat
nabhaśca p#thivīñcaiva tumulo'vyanunādayan (19)

Этот грохочущий отклик пронесся, тревожа и землю, и небо; и словно бы разорвались сердца сыновей Дхритараштры.

atha vyavasthitān d###vā dhārtarā##rān kapidhvaja#
prav#tte śastrasampāte dhanurudyamya pā##ava#
h#sīkeśa# tadā'vākyamidamāha mahīpate (20)

И вот, когда уже посланы были первые стрелы, Арджуна, сын Панду, поднял свой лук и промолвил такие слова Хришикеше:

Arjuna uvāca
senayorubhayormadhye ratha# sthāpaya me'acyuta (21)

yāvadetānnirīk#e'ha# yoddhukāmānavasthitān
kairmayā saha yoddhavyamasmin ra#asamudyame (22)

yotsyamānānavek#e'ha# ya ete'tra samāgatā#
dhārtarā##rasya durbuddheryuddhe priyacikīr#ava# (23)

Арджуна сказал:

«О безупречный, между двух войск останови ты мою колесницу, чтоб разглядеть я противников мог, жаждущих боя. Всех я увидеть хочу, кто собрался на битву, всех, кто на поле сраженья готов отстоять умысел злой Дурьодханы, Дхритараштры порочного сына».

Sañjaya uvāca

[110] «Владыка чувств» – эпитет Кришны (*прим. ред.*).

evamukto h##īkeśo gu#ākeśena bhārata
senayorubhayormadhye sthāpayitvā rathottamam (24)

bhī#madro#apramukhata# sarve#āñca mahīk#itām
uvāca pārtha paśyaitān samavetān kurūniti (25)

Санджая сказал:

И Хришикеша, вняв этой речи Арджуны, чудную остановил колесницу между двух ратей враждебных и, перед Бхишмою встав, перед Дроной[111] и всеми другими доблестными мужами, молвил: «О Партха, узри же всех Куру, собравшихся здесь ради битвы».

tatrāpaśyat sthitānpārtha# pit#natha pitāmahān
ācāryānmātulānbhrāt#nputrānpautrānsakhī#stathā
śvaśurān suh#daścaiva senayorubhayorapi (26)

И увидал тогда Партха идущих на смертную битву друг с другом сыновей и отцов, и дедов и внуков, братьев и учителей, и родных, и товарищей милых – всех соплеменников славных своих, родичей всех и всех близких.

tānsamīk#ya sa kaunteya# sarvān bandhūnavasthitān
k#payā parayāvi##o vi#īdannidamabravīt (27)

Друзей и родных увидав, готовых на смертную битву, сын Кунти исполнился вдруг жалости необоримой и молвил такие слова с сердцем, охваченным скорбью:

Arjuna uvāca
d###vemān svajanān k###a yuyutsu# samavasthitān
sīdanti mama gātrā#i mukhañca pariśu#yati (28)

vepathuśca śarīre me romahar#aśca jāyate
gā##īva# sra#sate hastāt tvak caiva paridahyate (29)

Арджуна сказал:

«О Кришна, увидев всех близких своих, готовых к сраженью, я словно бы вдруг обессилел, во рту у меня пересохло, все тело трепещет и волосы дыбом встают, и Гандивы-лука не держат ослабшие руки, и кожа пылает огнем.

na ca śaknomyavasthātu# bhramatīva ca me mana#
nimittāni ca paśyāmi viparītāni keśava (30)

Не в силах стоять я, и словно мутится мой разум; о Демоноборец, зловещие зрю я знаменья.

na ca śreyo'nupaśyāmi hatvā svajanamāhave
na kāÿk#e vijaya# k###a na ca rājya# sukhāni ca (31)

[111] *Дрона* – брахман-воин, наставник Кауравов и Пандавов в военной науке.

Не вижу я блага в убийстве своих же сородичей в битве. Не надо победы мне, царства не надо и счастья не надо, о Кришна.

ki# no rājyena govinda ki# bhogairjīvitena vā
ye#ā#arthe kāÿk#ita# no rājya# bhogā# sukhāni ca (32)

ta ime'vasthitā yuddhe prā#ā#styaktvādhanāni ca
ācāryā# pitara# putrāstathaiva ca pitāmahā# (33)

Что пользы нам в царстве и в наслажденьях, скажи, о Говинда, что пользы нам в жизни? Все, ради кого жизнь нам желанна и царство, и радости жизни, ныне собрались на битву, презрев свою жизнь и богатство, – учителя и отцы, сыновья и старейшины рода,

mātulā# śvaśurā# pautrā# śyālā# sambandhinastathā
etānna hantumicchāmi ghnato'pi madhusūdana (34)

api trailokyarāyasya heto# ki# nu mahīk#te
nihatya dhārtara##rānna# kā prīti# syājjanārdana (35)

тести, внуки, дядья и другая родня. Пусть я убитым паду, о Губитель демонов злобных, все ж их убивать не хочу я – будь мне наградой три мира, не то что владенье землею. Что нам за радость, о Жизнедатель, убить сыновей Дхритараштры?

pāpamevāśrayedasmān hatvaitānātatāyina#
tasmānnārhā vaya# hantu# dhārtarā##rān svabāndhavān
svajana# hi katha# hatvā sukhina# syāma mādhava (36)

Пусть они смертью грозят нам, но их убивая, мы запятнаем грехом свою душу. Поэтому нам не пристало губить сыновей Дхритараштры, своих же сородичей кровных. Как можем мы, о Благодетель, счастье стяжать, своих же родных убивая?

yadyapyete na paśyanti lobhopahatacetasa#
kulak#ayak#ta# do#a# mitradrohe ca pātakam (37)

Пусть помутилось от алчности их разуменье, и уж не видят они зла в истребленьи семейств, не разумеют греха в убийстве жестоком друзей.

katha# na jñeyamasmābhi# pāpādasmānnivartitum
kulak#ayak#ta# do#a# prapaśyadbhirjanārdana (38)

О Жизнедатель, но мы ведь вред разумеем великий от разоренья семейств. Так почему нам не следовать нашему знанью, почему не отречься от такого греха?

kulak#aye pranaśyanti kuladharmā# sanātanā#
dharme na##e kula# k#tsnamadharmo'bhibhavatyuta (39)

От разоренья семейств праведной жизни законы приходят в упадок, и беззаконье тогда поражает весь род.

adharmābhibhavāt k###a pradu#yanti kulastriya#
strī#u du##āsu vār##eya jāyate var#asaÿkara# (40)

От беззаконья, о Кришна, женщины рода теряют свою добродетель, и развращенье такое приводит к смешению каст.

saÿkaro narakāyaiva kulaghnānā# kulasya ca
patanti pitaro hye#ā# luptapi##odakakriyā# (41)

Каст же смешенье приводит к тому, что весь род и губители рода ввергаются в ад, ведь прародители рода лишаются всех подношений и из мира предков они низвергаются прочь.

do#airetai# kulaghnānā# var#asaÿkarakārakai#
utsādyante jātidharmā# kuladharmāśca śaśvatā# (42)

Те злодеянья губителей рода, что каст порождают смешенье, сокрушая законов вековые устои, обрекают на гибель весь народ, все семейства.

utsannakuladharmā#ā# manu#yā#ā# janārdana
narake niyata# vāso bhavatītyanuśuśruma (43)

Чьи родовые законы приходят в упадок, тем лишь в аду уготовано место – так мы слыхали с времен незапамятных, древних.

ahobata mahatpāpa# kartu# vyavasitā vayam
yadrājyasukhalobhena hantu# svajanamudyatā# (44)

Горе нам! Ибо решились на грех мы тягчайший, родичей кровных своих погубить мы стремимся, почестей царских алкая, обуяны жаждою власти.

yadi māmapratīkāramaśastra# śastrapā#aya#
dhārtarā##rā ra#e hanyustanme k#ematara# bhavet (45)

Лучше сложу я оружье и, не противясь, погибну от рук вооруженных сынов Дхритараштры».

Sañjaya uvāca
evamuktvārjuna# sa#khye rathopastha upāviśat
vis#jya saśra# cāpa# śokasa#vignamānasa# (46)

Санджая сказал:

Молвив такие слова, горькой забывшийся скорбью, Арджуна отбросил свой лук с приноровленной острой стрелою и в колеснице безвольно поник, не в силах сражаться.

Бхагавадгита: комментарии к Главе I

Дар божественного видения Санджаи

Слово Гиты было поведано накануне Великой Войны Махабхараты. Поэтому в самом первом стихе Гиты царь Дхритараштра хочет получить какие-то сведения о войне от Санджаи, который обладал даром божественного видения. Две армии собрались для битвы на поле брани, и старый царь с нетерпением пытается узнать, каковы первые действия противников. С точки зрения современного образованного индийца, образованного на английский манер, божественный дар Санджаи есть не более чем поэтическая фантазия. Если бы нам сказали, что определенный человек, наделенный даром ясновидения и яснослышания, способен живо и осязаемо воспринимать ужасающие сцены военных действий, происходящие за многие сотни километров, и даже различать боевые крики воинов, то свидетельство такого человека, пожалуй, было бы удостоено нашего внимания. И в то же время обычно принято считать нелепым вымыслом тот факт, что великий Вьяса наделил этим даром Санджаю. Если бы мы сказали, что известный европейский ученый получил от определенного человека, введенного в состояние гипнотического транса, описание, как от очевидца, какого-то отдаленного события, то это не вызвало бы особого удивления у тех людей с Запада, кто знаком с исследованиями в области гипноза. Но гипноз есть не что иное, как просто одно из нежелательных проявлений йогической силы, которых необходимо избегать. В человеке скрыто множество подобных сил, хорошо известных древним цивилизациям и находивших там широкое применение. Однако эти знания древних утонули в потоке неведения, порожденном Эпохой Мрака, Кали-югой, и сохранились сегодня лишь частично в узких кругах посвященных как тайное знание, не подлежащее широкому распространению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.